

Александр Локтев

**Память сердца,
или Судьбы и люди**

2023

Локтев Александр Львович
Память сердца, или Судьбы и люди
Проза

Это 34-я книга члена Московского союза литераторов и Московского клуба афористов, лауреата литературной премии им. С.Н. Дурылина, доктора технических наук, жителя Королёва.

Из многочисленных своих публикаций об интересных людях, прошедших через жизнь автора, он собрал в этой книге наиболее интересные, сыгравшие заметную роль в человеческом его становлении. Автор решил, что такая книга станет памятью сердца для него и будет интересна вдумчивому читателю.

Автор надеется, что познакомившиеся с книгой читатели не пройдут мимо уроков, преподанных судьбами героев книги, и сделают полезные для себя выводы.

Книги автора выставлены на его сайте aloktev.ru.
Электронный адрес aloktev1936@gmail.com

© А.Л. Локтев 2023, с.90

Книга издана в авторской редакции
Оригинал-макет подготовлен автором

На стр.1 и 4 обложки картинки
<https://kartinkin.net/78310-sudba-kartinki.html>

Содержание

Борис Валентинович Волынов.....	4
Алексей Петрович Галкин.....	13
Алексей Михайлович Исаев.....	20
Борис Николаевич Лесняк.....	27
Глеб Евгеньевич Лозино-Лозинский.....	36
Арвид Владимирович Палло.....	43
Марк Григорьевич Розовский.....	48
Вячеслав Львович Тамаркин.....	63
Алексей Васильевич Флёров.....	74
Нина Ивановна Шушарина.....	82
Борис Иосифович Жутовский.....	87

Борис Валентинович Волынов

«Какое же это счастье — жить!»

Мой собеседник – Борис Валентинович Волынов – космонавт первого, гагаринского набора. Он появился в Звёздном в марте 1960 года. В это же время в отряд космонавтов были зачислены Валерий Быковский, Юрий Гагарин, Андриян Николаев, Павел Попович, Герман Титов, Алексей Леонов, Владимир Комаров и другие. На счету дважды Героя Советского Союза Бориса Волынова – два полёта в космос: в 1969 году – на космическом корабле «Союз-5» и в 1976-ом – на космической станции «Салют-5» и космическом корабле «Союз-21». Оба полёта были интересными,

содержательными, но не обошлось без драматических ситуаций. Их результаты стали достоянием узкого круга специалистов. А сообщения ТАСС, как всегда оптимистические, об этих драмах в космосе умолчали: для общественности с орбиты должны были поступать только рапорты об очередных победах и достижениях советской космонавтики. Надо ли говорить, сколь принижались при этом и героизм космонавтов, и трудности освоения космического пространства, и сладость побед, которые, увы, не бывают без горечи неудач.

ПУТЬ В КОСМОНАВТЫ

Борис Валентинович – военный летчик-истребитель. Начинал с «Миг-15». Осваивал и такие необычные в ту пору полёты, как взлёт и посадка с обычной грунтовой полосы на алтайской целине. Тогда ни о какой космонавтике мыслей у него не было.

Однажды Бориса Волынова срочно вызвали к командиру полка. Обычно такой вызов означал только одно из двух – взбучку или благодарность. Но на этот раз не было ни того, ни другого.

– Захожу, – рассказывает Борис Валентинович, – а в комнате сидит представитель особого отдела. Всё очень таинственно. Подписываю документ «о неразглашении». Теперь – в кабинет к командиру. А там вместо него сидит подполковник-медик. Беседа – тоже таинственная, полунамёками. Дескать, если изъявлю желание летать на технике, более совершенной, чем самолёты, на больших скоростях и высотах, то со мной готовы вести беседу дальше. Риск для жизни – есть...

– Не говорите сразу «да» или «нет», – продолжал медик, – посоветуйтесь с семьёй и друзьями. Тут я не выдержал. Как же, говорю, с семьёй посоветоваться, если я только что дал подписку о неразглашении. Медик улыбнулся, я – тоже. И ответил согласием. А месяца через полтора пришёл вызов в Москву на медкомиссию. Медкомиссия была более чем строгая. И не только по сроку (40 суток). Достаточно сказать, что из пяти военных летчиков, прибывших вместе с Борисом Волыновым, отобрали только его.

«ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ВОЙТИ В ДОМ, ПОДУМАЙ, КАК ИЗ НЕГО ВЫЙТИ»

К этому правилу шли через трагедии, учившие, что в космонавтике мелочей не бывает. Одна из таких трагедий – гибель в сурдокамере кандидата в космонавты Валентина Бондаренко. Сурдокамера – одно из самых трудных исследований в жизни космонавта. В замкнутой камере очень небольшого объема, где можно только встать с кресла или же полуоткинуться в нём для сна, нужно было провести 10–15 суток при полной звукоизоляции, экранировании от магнитного поля (толстым металлическим

корпусом барокамеры), светоизоляции (свет – только искусственный, иллюминаторы снаружи заглушены) и полной изоляции по газовому составу. День расписан по часам графиком работ.

Подобные же испытания проходили американцы. У некоторых из них случались сбои уже на 2–3 сутки: происходил психический срыв, приводивший к прекращению эксперимента. У нас первым прошёл сурдокамеру Валерий Быковский, вторым – Борис Волинов. Вслед за ними это испытание прошла большая часть отряда. Ни для кого оно простым не было.

На десятые сутки пребывания в сурдокамере Валентина Бондаренко произошла трагедия. У ног космонавта стояла электрическая плитка, на которой он разогревал себе пищу. Одновременно Валентин начал разматывать бинт, фиксировавший на руке один из датчиков. Конец бинта попал на горячую плитку. И всё бы ничего, если бы не кислородная среда в сурдокамере. Кислородом была пропитана одежда и всё окружающее Бондаренко. Искра. Быстротекущий пожар... К моменту, когда Валентина извлекли из сурдокамеры, кожа его обгорела практически полностью (кроме поверхности стоп). Это случилось 23 марта 1961 года, за три недели до исторического старта Юрия Гагарина.

ДО СТОЛКНОВЕНИЯ С ЗЕМЛЕЙ ОСТАВАЛОСЬ ПОЛЧАСА

В январе 1969 года с космодрома Байконур стартовал космический корабль «Союз-5». На его борту находились командир Борис Волинов, бортинженер Алексей Елисеев и космонавт-исследователь Евгений Хрунов. Днём раньше на орбиту вышел корабль «Союз-4», пилотируемый Владимиром Шаталовым. 16 января на орбите, впервые в мире, состыковались два корабля. Впервые было не только это. Евгений Хрунов и Алексей Елисеев должны были перейти из «Союза-5» в «Союз-4» через открытый космос.

Рассказывает командир корабля «Союз-5» Борис Волинов.

– Всё было на сильнейшем эмоциональном напряжении, предельном внимании и собранности. Как на стометровке, когда приходится выложиться полностью. Я следил за параметрами жизнедеятельности Евгения Хрунова и Алексея Елисеева по показаниям приборов. Пока космонавтов окружали корпус и иллюминаторы корабля, все показатели были в норме. Но после команды «открыть выходной люк», когда перед Хруновым предстала пропасть, отверстие, через которое предстояло покинуть корабль, все параметры подпрыгнули. И тут же улеглись, как только началось выполнение задания. Евгению Хрунову надо было не только перейти к Шаталову на борт «Союза-4», но по дороге кое-что из оборудования установить, что-то снять. Тут же сказались земная привычка к «низу» и «верху». Перед выходом Евгения Хрунова Борис Волынов сориентировал состыкованные корабли относительно Солнца так, чтобы было оптимальное освещение для работы кино- и телекамер, установленных вне корабля. И первой репликой Евгения Хрунова из космоса были слова: «Ничего себе сориентировал, приходится идти в... гору!» А ведь переход осуществлялся перемещением по поручням с помощью только рук и в условиях невесомости.

Возможности для перехода были крайне ограничены. Войдя в бытовой отсек «Союза-4» на длинном кабеле, Хрунов перестыковал электроразъёмы кабелей и таким образом дал возможность Алексею Елисееву перейти в «Союз-4» на том же длинном кабеле (фале).

17 января «Союз-4» с Владимиром Шаталовым, Евгением Хруновым и Алексеем Елисеевым успешно приземлился. Борис Волынов остался один в корабле «Союз-5», посадка которого была намечена на 18 января. Ничто не предвещало аварийной ситуации. Борис Волынов сориентировал корабль для схода с орбиты, тормозная двигательная установка выдала в нужный момент необходимый тормозной импульс. Ушел бытовой отсек. Однако отделения спускаемого аппарата от приборного отсека (вместе с двигательной установкой) ... не произошло. И гигантская «птица» с распростертыми «крыльями» (солнечными батареями) устремилась к Земле. В плотных слоях атмосферы вследствие аэродинамического эффекта, создаваемого «крыльями», «птица» начала вращаться. Попытки стабилизировать её в нужном положении приводили лишь к кратковременному эффекту.

– Я как испытатель контролировал происходящее по приборам и иллюминаторам и вёл репортаж на магнитофон. Понимал: ситуация настолько сложная, что выхода из неё нет. До столкновения с поверхностью Земли оставалось полчаса. Понимая, что всё кончится пожаром, я сунул листочки с записями в середину бортжурнала и плотно перевязал его бечёвкой: в таком виде книги обгорают только по углам. Надо было сделать всё, чтобы донести полученную новую информацию до тех, кто полетит за мной. А во что превращается космонавт в моей ситуации, я представлял очень ясно на примере гибели космонавта Комарова.

На высоте 80–90 км над Землей внезапно произошёл взрыв: к нему привёл сильный разогрев приборного отсека. Как говорится, нет худа без добра. Целостность спускаемого аппарата, к счастью, не нарушилась, зато произошло разделение: спускаемый аппарат отбросило взрывом от приборного отсека. Однако даже в такой критической ситуации дьявол стремится к реваншу за каждый намек на удачу: спускаемый аппарат закрутился и не хотел спускаться так, как ему положено. А это грозило гибелью. Дело в том, что спускаемый аппарат напоминает по форме конус со слегка выпуклым основанием. При нормальном спуске он движется основанием к Земле, и именно эта часть более других защищена от перегрева теплозащитным экраном. Неуправляемый спуск был чреват тем, что перегревались наименее защищенные элементы конструкции.

– Быстрое вращение спускаемого аппарата: голова—ноги, голова—ноги. Кругом – плазма. Я вижу розовые жгуты раскалённого газа в иллюминаторах, – рассказывает Волинов. – В кабину постукает едкий дым (потом выяснилось, что в пепел превратилась эластичная герметизирующая резина люка корабля). Перегрузки – до 9g. Для сравнения: в нормальной ситуации они составляют 3,5–4g. Затем корабль перешёл во вращение, предусмотренное при баллистическом спуске, когда спускаемый аппарат вращается вокруг продольной оси. Пришло время, и на высоте около 10 км отстрелился люк парашютного контейнера, была введена в действие парашютная система. И снова – реванш дьявола: после раскрытия основного купола парашюта Борису Волинову стало ясно, что вращение спускаемого аппарата не прекратилось. Стропы парашюта стали закручиваться. А это грозило складыванием купола и, значит, аварией.

Но космонавту повезло ещё раз: после скручивания строп началось их раскручивание. До самого приземления спускаемый аппарат вращался то в одну, то в другую сторону.

– Долбануло об Землю хорошо! Но сознания не терял. Видел, как магнитофон, крепившийся у плеча, срезался по креплению, улетел и ударился об пол, не задев, к счастью, ноги.

Открыв люк, Волынов увидел, во что превратилась жаропрочная сталь на поверхности люка: стальная пена образовала шапку, и выйти из люка было затруднительно, ибо каждый элемент пены резал, как бритва. И всё же Волынов разминулся со смертью, получив в качестве сувенира на память собственную жизнь и перелом корней верхних передних зубов.

– Выбрался из дымной кабины: степь да степь кругом. Да ещё мороз минус 38 градусов, а на мне – только полётный костюм и кожаные «тапочки»: в то время летали без скафандров.

А через некоторое время высоко в небе появился самолёт, который стал снижаться кругами, и вскоре Волынов увидел, как вспыхнули купола парашютов. Это были спасатели. Первое, что он сделал, когда они подошли, снял шлем и спросил, не седой ли. И от спасателей услышал, видимо, одним из первых свежий анекдот о полёте «Союза-4» и «Союза-5»: поШАТАлись-пошатались по космосу, поВОЛЫНили-поволынили, ни ХРУНа не сделали и ЕЛИСЕли.

– Ничего себе – ни хруна, – комментирует Борис Валентинович, – первая в мире стыковка на орбите, первый переход с корабля на корабль через открытый космос.

«Испытание первого баллистического спуска» – именно так прокомментировал ТАСС игру со смертью мужественного космонавта. Насколько «правы» и автор анекдота, и анекдотическое сообщение ТАСС – судить читателям.

После такого спуска медики единодушно сказали, что летать Волынов больше не будет и что ему противопоказана не только работа военного летчика, но и даже роль пассажира в самолёте. А психологи добавили, что он и сам теперь не подойдёт к самолёту, потому что ни один человек на Земле никогда ещё не перешагивал такой психологический барьер.

Однако медики ошиблись.

«СЛОЖНО БЫЛО НАВЕСТИ ПОРЯДОК»

Борис Валентинович остался в космонавтике. В мае 1970 года состоялся пятый набор в отряд слушателей-кандидатов в космонавты. Среди них – будущие космонавты А. Березовой, В. Джанибеков, Л. Попов, Ю. Романенко и другие. Командиром отряда стал Борис Волинов. Естественно, что взялся он за новую работу со знанием дела. Программу обучения космонавтов следовало упорядочить: взаимоувязать различные курсы, оптимально сочетать их с практическими занятиями, четко спланировать многочисленные, разнообразные тренировки.

– Сложно было навести порядок: тут и полёты на самолётах, и эксперименты (сурдо- и барокамеры, центрифуга, невесомость на самолётах, медобследования на перспективу), общекосмическая подготовка, техника, астронавигация, освоение скафандра, инженерная подготовка, спецкурс (самолёты, двигатели, динамика космических аппаратов), парашютная подготовка.

Словом, пришлось Борису Волинову заняться кропотливым, но совершенно необходимым системным подходом к обучению своих питомцев. И в этом он преуспел. В 1974 году Борис Валентинович становится заместителем командира всего отряда космонавтов, а с 1983 года – его командиром. Эту работу он выполнял до ухода на пенсию в мае 1990 года, поставив ещё один рекорд – 30 лет в отряде космонавтов. И на фоне этого – упорные тренировки, в результате которых добился того, что в 1976 году отправился на корабле «Союз-21» в качестве командира на станцию «Салют-5» вместе с бортинженером Виталием Жолобовым.

В ТЕМНОТЕ, БЕЗ ВЕРХА И БЕЗ НИЗА

Рассчитанный на 60 суток полёт происходил вначале строго по плану. Без приключений стартовали, вышли на орбиту, состыковались со станцией. На 42-е сутки полёта, когда «Салют-5» находился над тёмной стороной Земли, неожиданно взвыла сирена аварийной ситуации: погас свет, отключились приборы и механизмы, перестала действовать система регенерации кислорода, исчез привычный шум работающего оборудования.

– Тишина. Темнота – кромешная. И невесомость, где нет ни верха, ни низа. Словом, полное отсутствие ориентировки! И совершенно неясно, что же произошло, тем более – что делать. Ситуация, что называется, сливай воду! Оставалось лишь ориентироваться наощупь: плавать по стенкам и потолку и ощупывая приборы, добираться к центральному пульту.

Борис Вольнов и Виталий Жолобов попытались определить, что же произошло, и оживить станцию для ручного управления. Прежде всего необходимо было дождаться выхода из тени, проанализировать, что видно на чёрном фоне космоса – не закручивает ли станцию, все ли двигатели выключились – и затем сориентировать «Салют- 5». С этой целью Виталий Жолобов проплыл в корабль «Союз-21». Оттуда он, глядя в оптический прибор, сообщал Борису Вольнову о пространственном расположении станции относительно Земли. А тот, находясь у пульта управления станцией, поворачивал многотонную массу.

Всё пришло в норму через долгие, напряженнейшие час и сорок минут. Станция была сориентирована в рабочем положении. Всё пошло своим чередом. Но не смог придти в себя Виталий Жолобов: он перестал спать, потерял аппетит, лекарства не могли снять страшную головную боль. Постепенно он терял работоспособность, а через трое суток постоянно пребывал в расслабленном состоянии. Пришлось Борису Валентиновичу работать и за командира, и за бортинженера, и за врача, оказывая посильную помощь заболевшему коллеге: «скорую помощь» вызвать было невозможно. Но медицинский консилиум на Земле по данным телеметрии состоялся. И Государственная комиссия приняла решение о прекращении полёта и досрочной посадке на пятидесятые сутки.

Борис Вольнов помог Виталию Жолобову надеть скафандр, разместиться в корабле и подготовиться к спуску. Поскольку ждать с посадкой было нельзя, то она проходила в ночное время. Приземлились в Казахской степи. Корабль лежал на боку. Борис Вольнов выполз из корабля на четвереньках.

– Первое, что ощутил после приземления – запах Земли и хлеба (было 24 августа, время страды – А.Л.). Запах, который не ощущал давно. Какое же это счастье – жить!

На эмоциональном подъёме Борису Вольнову казалось, что он – в хорошей физической форме благодаря упорным упражнениям

на станции. Он встал на ноги и... тут же рухнул навзничь: ноги отказались держать тело, а сердце стучало, как на финише бурной стометровки. В это время послышался голос Виталия Жолобова: – Борис, Борис, помоги!

Из темноты спускаемого аппарата полетели искры, а Виталий не мог выйти: он зацепился скафандром за металлическую часть корабля, разбил лампочку. Ему нужна была помощь.

– Я на четвереньках, в скафандре, вернулся в спускаемый аппарат, помог Виталию выбраться из корабля. Мы вместе легли и видели далеко-далеко звёздное небо ...

– А космос снится? – спрашиваю я Бориса Валентиновича на прощание.

– Нет, теперь уже не снится. Время ушло, – отвечает он. – А раньше снился. И очень часто. И даже – с нештатными ситуациями.

2000 г.

Алексей Петрович Галкин

«И душа опять жива, только в доброе одета».

Наш земляк, русский поэт и писатель, член Союза писателей России Алексей Петрович Галкин родился 21 февраля 1916 года в деревне Сабурово Щёлковского района Московской области. Природа родного Подмосковья, уклад крестьянской семьи, пронизанный душевной теплотой и добротой, ещё в детстве пробудили у него желание писать стихи. Но путь к поэзии был непрост.

С шестнадцати лет он начал трудиться. Это было в Подлипках, на артиллерийском заводе № 8, в далёком 1932 году. С началом войны Алексей Петрович ушёл добровольцем на фронт и вплоть до тяжёлого ранения был на передовой. Возвратившись в Подлипки инвалидом Великой Отечественной войны, он работал в военной приёмке при ЦАКБ (Центральное артиллерийское конструкторское бюро), где главным конструктором был В.Г. Грабин. Позднее Алексей Петрович в качестве заместителя главного конструктора ОКБ-10 Е. В. Чарнко принимал активное участие в отработке первого в мире подводного ракетного старта. Последний этап трудовой жизни Галкина прошёл в ОКБ-1 (ныне – РКК «Энергия») у главного конструктора С. П. Королёва.

Алексею Петровичу везло на хороших людей. Он стоял у истоков образования в Подлипках литературного объединения (теперь – имени А.С. Новикова-Прибоя) и ездил в Москву к Алексею Силычу, чтобы пригласить его возглавить кабинет рабочего автора – прообраз литературного объединения.

Дружба с профессором Сергеем Николаевичем Дурылиным, в болшевском доме которого он был частым гостем, знакомство с ведущими актерами Малого театра, часто навещавшими Дурылина, учёба в Литинституте имени А.М. Горького (который он окончил в 1953 году) с будущими известными поэтами – всё это составило его вторую, творческую биографию.

В центральных изданиях А.П. Галкин начал печататься с 1941 года.

Перу Алексея Петровича Галкина принадлежат многочисленные книги стихов: «Солнечный ветер» (1979 г.), «Долг» (1994 г.), «Годы непогоды» (1995 г.), «Полёт в бессмертие» (1996 г.), «Рассветы-закаты» (1997 г.), «Сквозь годы непокоя и любви» (1998 г.), «Вехи» (1999 г.), «Осенние листья» (2000 г.), «Сонеты жизни» (2001 г.), «Трагедия доверия» (2001 г.), «Зарницы» (2002 г.), «Избранное» (2003 г.), «Раздумья» (2003 г.), «Лирика» (2004 г.), «Память» (2004 г.), «Воспоминания» (2005 г.), «Лирика» (2005 г.). Его стихи реалистически точны, образны, мудры и отличаются простотой языка. Они – о жизни во всех её проявлениях, о дыхании леса и трав, о прошедшей войне, в них раздумья неравнодушного человека о судьбах страны.

В автобиографической книге прозы «Память сердца» (1993 г.) отражены воспоминания детства и юности автора, события войны и послевоенного периода вплоть до 70-х годов прошлого века, встречи с интереснейшими людьми, описаны жизнь Подмосковья, труд людей, их заботы и переживания.

Алексей Петрович – автор семи пьес, одна из которых («Вспоминая СП») посвящена Сергею Павловичу Королёву и была поставлена в ДК им. Калинина Народным театром. Остальные шесть пьес – «Совесь земная», «Сорняки», «Сколько стоит халатность», «Волчица», «Сердце нужно беречь», «Незаменимых нет» – ждут своих режиссёров.

Предлагаю вниманию читателей небольшую подборку его стихов.

* * *

Мне слово «враг» давно известно,
Суть смысловая не нова,
Но лишь в войну, признаюсь честно,
Оно приобрело права.
Когда услышал вместо слова
Я завывание свинца,
Увидел матерей без крова
И труп ребёнка у крыльца,
Тогда в бою, со смертью рядом,
С неодолимой жаждой жить,
Я научился сам, как надо
И ненавидеть, и любить.

1942 г.

Фитилёк

Фронт. Оборона. И землянка...
Прошло с тех пор немало лет.
А фитилёк, горящий в банке,
Мне шлёт ещё свой слабый свет.
Сравнить с чем-либо невозможно
Жилой землянки огонёк.
Как охранялся осторожно
Его недолгой жизни срок!
Перекликался он незримо
С домашней сельской теплотой,
С глазами женщины любимой,
С надеждой негасимой той,
Которая росла и грела.
И в каждом будущем бою
Он нёс уверенную веру
В победу правую мою.

1942 г.

* * *

И когда, кто скажет, это случилось?
Только явно, все века подряд,
Почему-то молодость и старость
На наречьях разных говорят.
Очевидно, тут не распри семя
Прорастает в жизненный уклад.
Очевидно, молодость и время
Не умеют двигаться назад.

* * *

Летний дождь

Он не спросясь пошёл и баста,
Дождь – непослушный сибарит.
Я слышу, как по крыше часто
Худыми ножками стучит.
Потом стучать стал реже, реже,
И вскоре вовсе перестал.
Я сразу понял, что изнежен,
Что быстро выдохся, устал.
И сквозь небесные оконца,
За несколько минут всего,
Горячими руками солнце
Подтерло шалости его.

* * *

Шквальный ветер в душу влез,
С ним якшаться мало толку.
Я ушёл в дремучий лес,
К звёздам лёг лицом, под ёлку.
С умыслом себя лишил
Постороннего вниманья.
Как отрадно здесь в тиши
Слушать звёздное молчанье.
Там отгадка всех причин,
Там и альфа, и омега.
И растаял тут же сплин,
Как покров весенний снега.
И природа ожила,
Зацвела весенним цветом.
И душа опять жива,
Только в доброе одета.

* * *

Её давно я ждал и жду –
Сокровище моё.
И клевету или вражду
Гнал в мыслях от неё.
Вёл ожиданьям долгим счёт
И помышлял о том:
Вот неожиданно придёт
В мой сиротливый дом.
И вдруг, – скажу вам без вранья,
Явилась, как скандал:
– Вот я! Людская правда я!
Меня ты жадно ждал?
И если правду любишь ты
И ты – защитник мой,
И от вражды, и клеветы
Скорей меня укрой.

Прочитав эту публикацию, приуроченную к 90-летию Алексея Петровича Галкина, я понял, что просто не могу, нет, обязан рассказать читателям об удивительной доброжелательности, являвшейся, без сомнения, одной из главных свойств натуры этого скромного человека с большой буквы. Чтобы не быть голословным, расскажу о нашем знакомстве с Алексеем Петровичем. И хотя я узнал его близко, когда ему было уже за 80 лет, годы общения с ним, быстро переросшего в дружбу (несмотря на 20-летнюю разницу в возрасте), стали одним из ярких впечатлений и счастливым приобретением в моей жизни.

Итак, в 1996 году, когда я вышел на пенсию по возрасту, занялся журналистикой и моя фамилия стала часто встречаться в местной прессе, в моей квартире однажды раздался телефонный звонок. Незнакомый, старческий голос весьма осторожно и робко спросил, не сын ли я Льва Абрамовича Локтева. Узнав, что «да», звонивший вмиг преобразился, представился Алексеем Петровичем Галкиным и пригласил меня в гости, ибо работал с моим отцом на артиллерийском заводе №8 аж с ...1934 года.

Разумеется, буквально через несколько дней я был уже в скромной квартире Алексея Петровича. Он начал с воспоминаний о моём отце, которого весьма высоко ценил и с которым прошёл бок о бок по жизни многие довоенные и послевоенные годы. Я так благодарен Алексею Петровичу за эти воспоминания! Именно они побудили меня написать об отце очерк «Конструктор зенитных автоматов».

Мы быстро сошлись по-человечески, хотя поначалу не все наши оценки настоящего и прошлого совпадали: извечная «проблема отцов и детей». Наши встречи как-то сами собой стали достаточно частыми и быстро переросли в дискуссии, в разговоры по душам. Общение с Алексеем Петровичем притягивало меня невольными уроками толерантности, подлинного интереса к другой точке зрения, примерами его завидного умения не просто СЛУШАТЬ оппонента, а СЛЫШАТЬ его. Что и говорить, результатом наших бесед стало взаимное сближение точек зрения, переросшее во взаимопонимание и дружбу.

В один из моих визитов я набрался храбрости настолько, что принёс с собой большую стопку своих стихотворений – практически всё, что многие годы «писалось в стол». Именно в стол, потому что «без руки» печататься в советское время не мог даже член Союза писателей СССР, а «руки» у меня не было. Алексей Петрович, сам испытавший на себе подобную «инвалидность», попросил меня оставить ему для просмотра все принесённые стихи. Через некоторое время он сообщил мне, что стихи посмотрел, и пригласил к себе. Надо ли говорить, что я не заставил себя долго ждать?!

С трепетом я увидел, что на столе у Алексея Петровича лежала не одна, а две стопки моих стихов. Одна – отвергнутая им, вторая – одобренная. И каждое стихотворение стало предметом внимательнейшего прочтения и заинтересованного критического разбора. Я не побоюсь сказать: разбор моих «опусов» стал подлинной поэтической школой, которая побудила меня много внимательнее и бережнее относиться к слову, научила не давать себе поблажек. А одобренные стихотворения стали по настоятельному совету Алексея Петровича моей первой поэтической книгой «Щемящая боль бытия» (1997 год). «Слово напутствия» к ней написал А.П. Галкин.

С тех пор и до последних дней жизни Алексея Петровича, сохранившего ясность ума и работоспособность, для нас обоих стало нормой, когда каждое своё новое стихотворение я привозил на его строгий и справедливый суд, а он знакомил меня со своими новыми стихами. Безусловно, Алексей Петрович был из тех редких поэтов, которые не ищут свое место в поэзии. Он искал поэзию в себе! И в стихах других авторов! Надо было видеть, как же он радовался каждому удачному своему или чужому стихотворению, рассматривая его как вклад в общее поэтическое дело.

2010 г.

Алексей Михайлович Исаев

«А этим мерзавцам я морду набью!»

Алексей Михайлович Исаев – один из первых творцов жидкостных ракетно-космических двигателей в нашей стране, доктор технических наук, Герой Социалистического труда, Лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, награждённый четырьмя орденами Ленина и орденом Октябрьской революции. Он основал и руководил конструкторским коллективом, создавшим целую серию жидкостных двигателей (ЖРД) для ракетно-космической техники. Эти двигатели были установлены на пилотируемых космических кораблях «Восток», «Восход», «Союз», автоматических межпланетных станциях и т.д.

Об Исаеве написаны книги и журнальные статьи, например, книги М.С. Арлазорова «Дорога на космодром», (Политиздат, М, 1984 г.) и В.К. Куприянова, В.В. Чернышева «И вечный старт» (Московский рабочий, М, 1988 г.) и прекрасную статью соратника А.М. Исаева инженера Ф.В. Цетлина «Космическое пришествие инженера Исаева» (Авиация и космонавтика, № 9, 10, 1993 г.). Но кроме книг живут многочисленные воспоминания о нём людей, которые непосредственно общались с этим обаятельным, артистичным, нестандартным человеком.

Некоторые из этих воспоминаний я хочу предложить читателям.

В ЗЛАТОУСТ И ОБРАТНО

Это было в 1963 году. Тогда еще молодой специалист, я спроектировал новый агрегат, который должны были изготавливать на заводе в Златоусте. И вот однажды, в конце рабочего дня к моему кульману подошёл Алексей Михайлович и сообщил, что едет в Златоуст и хотел бы взять меня с собой, чтобы я мог рассказать заводчанам об особенностях спроектированного агрегата. Никаких принципиальных возражений против поездки в такой компании у меня, конечно, не было. Но на мой вопрос «когда?» я, к моему величайшему сожалению, услышал ответ: – Завтра вечером поездом «Южный Урал».

«К величайшему сожалению» потому, что это означало, что «горят» билеты на уникальный спектакль в театр, которые мне достали по очень большому благу. Да к тому же я пригласил на этот спектакль даму своего сердца! Короче говоря, стал я отнекиваться. Но Алексей Михайлович без нажима, терпеливо убеждал меня поехать с ним. Убеждал и просил! Надо ли говорить, что я не устоял и согласился.

В первый же день по прибытии на завод я выполнил своё задание. После моего доклада Алексей Михайлович, окруженный плотным кольцом заводчан, пошёл по цехам, а я, почувствовав себя уже ненужным (пребывание в «свите» мне никогда не imponировало), понял, что если я сейчас же ринусь в аэропорт, то успею на мой долгожданный спектакль. Так я и сделал: отметил командировку на заводе, выписался из гостиницы и, проведя пять часов в электричке, оказался в аэропорту Челябинска.

Спектакль, помнится, мне очень понравился. Это было в воскресенье. А в понедельник к моему рабочему месту подошёл начальник отдела и сказал мне, что вчера вечером ему позвонил из дома Алексей Михайлович и пожаловался на мою недисциплинированность: – Не сплю допоздна в гостинице, волнуюсь, где Локтев, пока не догадался спросить администратора!

Тут только я понял до конца, что вытворил, да ещё с кем, с главным конструктором!

Прошло несколько часов, и мне сообщили, что вызывает к себе Исаев. Думаю, говорить о том, что я шёл по вызову с дрожью в

коленках, излишне! Открываю дверь исаевского кабинета и робко захожу. Там полно народа, в основном – начальников. В глазах у меня потемнело. А Исаев, прервав совещание, говорит: – Джентльмены, это тот самый Локтев, который сотворил со мной шутку.

И далее, оценив, повидимому, мое состояние и с весёлой иронией поглядывая на меня, Алексей Михайлович рассказал «джентльменам», как он провел следующий после моего бегства, субботний день.

Оказывается, Исаев и все командированные с ним поехали на дачу, расположенную на живописном озере Тургояк (стояла великолепная летняя погода), а вечером вертолёт в течение получаса доставил их прямо к трапу самолёта. Живописуя прелести проведённого дня, Алексей Михайлович приложил максимум усилий, чтобы я крепко пожалел о потерянном дне, и отпустил меня с миром по-отечески сказанными словами: – Больше никогда так не делай!

Прошло очень много лет, сейчас я уже сам старше тогдашнего Алексея Михайловича, но я до сих пор помню этот урок человечности и понимаю, что так мог поступить не просто большой по призванию педагог, а ЧЕЛОВЕК!

КОСМОНАВТЫ ПРИЕХАЛИ

Это произошло в День печати, 5 мая 1964 года (был такой праздник). На предприятие, в гости к Алексею Михайловичу приехали космонавты. Надо ли говорить, что тогда это было совсем неординарным событием и, естественно, сотрудники предприятия облепили все окна, желая быть свидетелями незабываемой встречи. Особенно усердствовали женщины, напрочь забывшие о коллегах, сидевших за кульманами. Одним из таких был и я. Вид женских тылов распалил во мне поэтическую жилку, и я буквально через несколько минут отнёс большому любителю «клубнички», оформителю КБ Косте Ковалевскому следующие стихи:

Отчего, чего бы ради
Производство лихорадит,
А в отделах – гвалт и гам?
Космонавты едут к нам!
В давке с женщин – сто потов,
Женщин я понять готов:
Поцелуй меня, Гагарин,
Приласкай меня, Титов!
На полях футбольных даже
Не видал я женщин в раже,
А в отдельных окнах чтоб,
Было столько женских ... ножек!

Стихи добавили Косте цикория, он быстро написал их на листе ватмана и сделал над ними зарисовку с натуры: окна в его комнате были также плотно залеплены глазюшками на улицу сотрудницами, активно борющимися за возможность взобраться на подоконник.

Пока Исаев беседовал с космонавтами у входа в КБ, мы с Костей успели повесить лист ватмана на видном месте. И когда Исаев пригласил космонавтов к себе в кабинет, они по дороге невольно увидели этот лист, остановились перед ним и обменялись улыбками. Дальше события развивались совершенно неожиданно. Разъярённые женщины стали приклеивать на ватман свои опусы в стихах и прозе, угрожая поэту кутузкой. Многие стыдили оформителя за «рассматривание женских тылов». Кто-то из мужчин ввязался в «диспут», кто-то стал вести счёт между мужчинами и женщинами.

Прошло некоторое время, ватман практически весь заполнился, а Алексей Михайлович закончил встречу с космонавтами и пошёл проводить их к машине. Проходя мимо пестрившей текстами стихийной стенгазеты, он и космонавты остановились, прочитали её всю от корки до корки и пошли дальше, похохатывая.

Вслед за ними партийный секретарь КБ, окончательно потеряв терпение из-за несанкционированного партией мероприятия, решил самолично покончить с этой самодеятельностью. Он сорвал ватман со стенда, оборвал с него наспех приклеенные бумажки,

скомкал и выбросил в рядом стоявшую урну для мусора. И вполне удовлетворенный проделанной работой, покинул поле битвы. Но радость его была недолгой.

Проводив космонавтов, Алексей Михайлович на пути в свой кабинет обнаружил, что плод творчества народных масс исчез.

– Кто это сделал ? – спросил он весьма эмоционально. Позвать его сейчас же!

И партийный секретарь услышал от Исаева: – Чтобы ватман немедленно висел на прежнем месте и в прежнем виде!

Грозный противник несанкционированной самодеятельности побежал на полусогнутых к урне. Скомканые бумажки были им тщательно разглажены и водворены на место. И тогда начальник фотолаборатории КБ Игорь Гриднев получил от Алексея Михайловича задание сделать с ватмана несколько фотоотпечатков. Эти снимки космонавты получили потом с дарственными надписями Алексея Михайловича на память о посещении его предприятия.

«А ЭТИМ МЕРЗАВЦАМ Я МОРДУ НАБЬЮ!»

При летных испытаниях новой ракеты отказал двигатель конструкции Исаева. Специальная комиссия разобралась в причинах отказа: виноват был завод-изготовитель. Мастер цеха, только что окончивший ВУЗ молодой специалист, уступил нажиму цехового начальства, которое своим авторитетом убедило спеца в том, что дефект узла пустяковый и на работе двигателя не скажется. А коль так, то можно в сопроводительных документах заменить паспорт узла с дефектом на паспорт узла без дефекта, т.е. совершить подлог.

Дело дошло до прокурора, «крайним», конечно же, оказался этот молодой спец, которому «светили» 8 лет лишения свободы. Когда же один из руководителей материаловедческой фирмы Георгий Георгиевич Конради, позднее рассказавший мне эту историю, ознакомился с уголовным делом в качестве независимого эксперта, ему стало по-человечески жаль этого «птенца», и он рассказал об этом Алексею Михайловичу.

Тот страшно возмутился цеховым начальством, подумал и сказал: – Я аварийную работу изделия возьму на себя! – И как человек экспансивный добавил: – А этим мерзавцам я морду набью!

В КАБИНЕТЕ Д.Ф. УСТИНОВА

В середине 1960-х годов, когда молодая фирма на Урале разрабатывала новый морской комплекс, настал период неудач. Они были связаны с новизной конструкции, применением новых материалов, сложностью решаемых комплексом задач. О том, как идут дела, захотело услышать всемогущее Политбюро. Докладывать должен был курировавший отрасль Д.Ф. Устинов. Он срочно вызвал «на ковёр» министра С.А. Афанасьева и Главного конструктора А.М. Исаева, предприятие которого отработывало для комплекса ракетный двигатель.

Ниже я пересказываю услышанное от военпреда Валерия Калинина, который был свидетелем рассказа Министра С.А. Афанасьева о визите к Д.Ф. Устинову.

От жестких слов Устинова Афанасьев отбивался ссылками на объективные трудности, но Дмитрий Фёдорович о них и слышать не хотел. Его интересовало только одно: что он скажет на Политбюро. Через некоторое время, видимо, посчитав, что необходимая «воспитательная работа» с министром проведена, Устинов переключился на Исаева и стал говорить, что тот не умеет конструировать ракетные двигатели. Сначала Исаев терпеливо выслушивал эти обидные, поверхностные оценки партийного функционера, а затем министр увидел, как шея Исаева багровеет, сам он набычился (верный признак раздражения), и его мощная фигура с рукой в правом кармане пиджака молча двинулась вдоль длинного стола прямо на оторопевшего Устинова, который даже прервал свою «воспитательную» речь буквально на полуслове.

А Исаев грузно подошёл к Устинову (их разделял только узкий участок стола), вытащил правую руку из кармана, разжал кулак и ... на столе образовалась куча многочисленных наград Алексея Михайловича.

- Забирайте все мои награды, снимите меня с работы, а КБ расформируйте! – сказал он и обеими руками придвинул кучу орденов по столу к Устинову.

Тот понял, что переборщил, стал уговаривать Исаева взять награды обратно и передвинул кучу по столу обратно. Но Исаев стоял на своём. На глазах изумленного Афанасьева куча

перемещалась от Устинова и обратно минут пятнадцать! До тех пор, пока Устинов не взял обратно свои слова, а шея Исаева не приобрела нормальный оттенок.

Результатом же этого «оперативного руководства» была жирная вертикальная линия, прочерченная Устиновым красным карандашом на графике работ, как последний дозволенный срок завершения отработки, и его подпись этим же карандашом под этой линией. Дальше подразумевалась область оргвыводов!

МАТЕРИАЛЬНАЯ КОМПЕНСАЦИЯ ЗА ... ВЫГОВОР

Об этом невероятном, на первый взгляд, случае мне рассказал мой сотрудник по работе в КБ Химмаш Николай Фёдорович Бойченко, по вине которого произошёл отказ при ответственных межведомственных испытаниях одного находившегося в отработке двигателя. В причинах отказа быстро разобрались, дефект конструкции устранили и успокоились. Для того и проводится отработка! Однако, не успокоились чиновники Министерства. И «бодяга» получила следующее продолжение.

В один из дней Н.Ф. Бойченко пригласили в кабинет к А.М. Исаеву, где Алексей Михайлович сказал ему, что он долго сопротивлялся требованиям Министерства наказать виновников отказа двигателя, но больше сопротивляться не может. «Министерство требует крови!» - сказал он и преложил Бойченко тут же составить ... проект приказа о наказании себя. Когда Бойченко это сделал, Исаев прочитал проект, в котором Николай Фёдорович объявил себе строгий выговор, зачеркнул слово «строгий» и попросил секретаршу срочно напечатать приказ. Подписав его, он поинтересовался у Бойченко, с собой ли у него паспорт, и предложил ему пройти в кассу предприятия для получения ... материальной компенсации за выговор, против которого восставало всё его существо как Человека и конструктора.

Что сказать в заключение об Алексее Михайловиче? В нём удивительным образом сочетались его артистическая натура и непреклонное стремление быть самим собой в любых жизненных обстоятельствах.

2000 г.

Борис Николаевич Лесняк

«Когда молчат свидетели, создаются мифы».

«После ареста меня долго не вызывали к следователю. Я ломал себе голову, пытаюсь понять причину ареста и характер возможного обвинения. Лишь первые дни в тюрьме я не терял ещё надежду, что весь этот кошмар - всего лишь недоразумение и, разобравшись, меня, конечно, отпустят.

Иллюзии быстро рассеялись. В камере, где было более ста тридцати человек, я кое-что понял и кое-чему научился. Следствие моё проходило в основном на Лубянке, куда меня на время перевели из Бутырской тюрьмы.

В предъявленном обвинении значились пункты 8 и 11 статьи 58 УК РСФСР, другими словами - участие в студенческой контрреволюционной террористической организации».

Эти строки - из книги Бориса Николаевича Лесняка «Я к вам пришел!», изданной в Магадане в 1998 году тиражом всего 1000 экземпляров. Между тем, она заслуживает такого же внимания читателя как «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, воспоминания Льва Разгона, ибо представляет собой правдивый, эмоциональный и мужественный рассказ узника ГУЛАГа, прошедшего все круги рукотворного ада.

Когда его арестовали, он был студентом второго курса третьего Московского медицинского института. Это произошло в пять утра 1 ноября 1937 года. Борису было 20 лет. Мог ли он думать ещё вчера, что совсем скоро следователь Радченко будет пытаться его на Лубянке: ставить к стенке и бить сапогом в живот и ниже, а однажды обломает на своей жертве подлокотник своего кресла. Мог ли он думать, что проведет на Колыме долгих тридцать пять лет?!..

Захар Кузьмич - дитя Галины Борисовны

23 апреля 1938 года Борису Николаевичу Лесняку было объявлено постановление Особого совещания при НКВД СССР. За контрреволюционную деятельность (КРД) его приговорили к восьми годам исправительно-трудовых лагерей с отбытием срока наказания в Северо-Восточных трудовых лагерях. Он не чувствовал себя виноватым, не признал себя таковым. Несмотря на побои в ходе следствия, не опорочил себя, не оговорил других. Потому-то и получил всего лишь (!) восемь лет.

«Станция Тюмень. На гладком, посыпанном желтой дресвой перроне ни души. На длинном сером столбе большие черные мухи отливают нефтью. К вершине столба подвешен динамик. Величественная мелодия разливается по перрону, наплывает на поезд и поднимается к небу. Сочный голос неторопливо выводит: «Широка страна моя родная...»

В нашем вагоне одно окно не закрыто. Я сижу на нарах, прижавшись к решетке лбом. Слова песни расплавленным свинцом вливаются в сердце и мозг. Стальная горячая лапа сжимает мне горло».

Так начиналось знакомство Бориса с новой, непривычной географией его необъятной Родины - УСЛОН, ВИШЕРЛАГ, РЫБИНСКЛАГ, БАКАЛЛАГ, КАРГОПОЛЛАГ, СЕВВОСТЛАГ, СЕВУРАЛЛАГ, УХТИЖИМЛАГ, БАМЛАГ...

Так стал он одним из многих Захаров Кузьмичей (з/к или зэка) - порождением Галины Борисовны (Государственной Безопасности), жертвами которой становились артисты и врачи, педагоги и адвокаты, инженеры и партийные работники, профессиональные лекторы и военнослужащие, люди духовного звания и литературные критики - представители всех слоёв советского общества.

«Без последнего»

Так назывался на Колыме один из методов развода з/к на работу. Привожу свидетельство Бориса Лесняка.

«Уже в ноябре морозы на Колыме достигают пятидесяти. После сна особенно холодно. Предутренний ветерок выдувает из-под грязного, ветхого тряпья последнее тепло тела. Стоять на морозе без движения тяжело, лучше двигаться, хотя бы ходить, что-то делать. Не удивительно, что больше всего отказчиков от работы бывает зимой и

выявляются они на разводе. И «развод без последнего» чаще всего практикуется тоже зимой.

«Без последнего» - штука серьёзная. Выглядит он примерно вот так. Бьют в рельс «на развод». В барак влетает потный нарядчик и два-три надзирателя. Распахивается на улицу дверь и раздаётся команда: «Выходи без последнего!». В бараке начинается паника, как при пожаре в театре. Все устремляются к выходу, давя, оттесняя друг друга, сбивая с ног, шагая по опрокинутым. Иступленные, осатанелые, загнанные... Последний из барака не выйдет. Ему не позволят. Последнего будут бить. Не торопясь, со знанием дела, весело и ожесточенно. В назидание грядущим поколениям».

Борис Николаевич был свидетелем и другого метода развода. Было это на прииске «Верхний Ат-Урях», на Первом лагпункте, зимой 1939 года.

Развод уже построился по ротам и бригадам, однако же задерживался.

«Скоро выяснилась причина задержки. В соседнюю с нашей ротой бригаду бытовиков... староста... и старший нарядчик Нуриман Садыков... тащили под руки какого-то малого, изо всех сил упировавшегося ногами. Они дотащили его до бригады и пытались затолкать в строй. Но это им не удавалось. Как только его выпускали из рук, он садился на снег. Его поднимали, он снова садился. Его поднимали, били под дых в доказательство того, что труд очень здорово облагораживает. Он не соглашался и снова садился...

Когда общее нетерпение достигло предела и повисло в воздухе, наступил момент, требующий разрешения. Шум, крик, брань на какой-то миг стихли, и в полной напряжения тишине раздался звенящий голос старшего нарядчика Нуримана Садыкова:

- Последи рас спрашиваю, блятски твой потрох, идес на работу?

«Потрох» лежал на снегу вниз лицом, без шапки. Но на последнее предупреждение нарядчика ответил длинным, очень образным и выразительным ругательством.

Похоже, что предупреждение нарядчика было ещё не последним, потому что, склонившись над «потрохом», он пронзительно закричал:

- Если сесяс не встанешь - насу в ухо и заморожу!

«Потрох» не шевельнулся.

Нуриман Садыков начал считать: - Рас! Два! Тыри!..

По счету три он, как кошка, бросился на лежащего, повернул его лицом кверху и сел на него верхом. Послышалось журчание струи.

Над головой бунтаря поднялся клуб пара.

- Всё! - не вставая с колен, крикнул Садыков конвоирам. - Веди развод! - Он легко вскочил, застегнул ширинку, позвал дежурного надзирателя и вместе с ним, ухватив за ноги, поволок поверженного, не сдавшегося саботажника вверх по тропе к изолятору. Все с облегчением вздохнули. Конвой занял свои места, и развод тронулся в путь.

Я покорно шёл на двенадцатичасовую муку - долбить тяжелым граненым ломом метровые бурки в прочной, как бетон, мерзлоте. Шёл голодный, холодный, плохо одетый, в телогреечных сапогах на шинном ходу. Покорный, безропотный, безотказный, ни в чём, ни перед кем не виновный. Как тысячи таких же, как я, пятьдесят восьмых (политические заключенные, осужденные по статье 58 Уголовного Кодекса РСФСР - А.Л.) из палаточного «городка», в насмешку именуемого уголовниками и администрацией «Посёлком Троицкого».

А этот блатарь, которого только что поволокли в нетопленный изолятор, не хочет на лютом морозе махать двенадцать часов восьмикилограммовым ломом или гнать по обмерзшему трапу пудовую тачку. Не хочет! И не идёт. Он восстаёт и сопротивляется произволу. Он отдаёт себя на большие испытания и тяготы, но не сдаётся.

Он знает, за что сидит. Он не ждёт, как мы, торжества справедливости. Не уходит на расстрел с именем вождя на устах, как это делаем мы. Он лучше одет. У него между костями и кожей есть ещё мясо. Меня содержат в палатке из парусины, его - в рубленом деревянном бараке, где в печке сгорают дрова, принесённые мною после работы. Как и дрова, зачастую он отнимает и хлеб у меня, мою кровную пайку, которую ежедневно недовешивает хлеборез, его брат по статье и по духу. И все же восстает он, а не я! Я же покорно иду умирать, скованный стужей и безысходностью». А стужа такова, что «при температуре, близкой к минус пятидесяти и ниже, образуется плотный туман (из выдыхаемого пара - А.Л.), в котором иногда и на расстоянии вытянутой руки предметы трудно различимы. В сильные морозы на лету замерзает плевок».

«Списочный состав лагеря на прииске Верхний Ат-Урях в 1938 году составлял 7000 заключенных. К 1940 году он сократился до 4000. К концу первого военного 1941 года число заключенных на прииске не превышало трёх тысяч. Такова была цена золота...».

Операция «Вошь»

Летом «аргонавты, прибывшие к золотому руну под конвоем», работали в забое по 12-14 часов под перекрестным «Давай, давай!», а восемь зимних месяцев лютой стужи вымораживали из них последние жизненные соки. Три года на общих работах, три года в открытом забое без перерыва, без передышки! Мало кому удавалось это выдержать.

«Зиму 1939-1940 годов я был уже стопроцентным фитилём-доходягой. Я дошёл до последней черты и, как фитиль, догорал». У него было не только РФИ - резкое физическое истощение, но и полиавитаминоз. Цинга и пеллагра разъедали его. Цинготные язвы покрывали всё тело от лодыжек до пояса. Они постоянно то прилипали к ватным штанам, то отрывались, причиняя страдания. Пеллагрозный понос обезвоживал и без того истощённое тело.

- Зиму 1941 года я уже и не надеялся пережить! - сказал мне Борис Николаевич. Но судьба ему улыбнулась. В одну из ночей бригадир, оценив, видимо, катастрофическое состояние, перевёл его на обслуживание парового экскаватора. Надо было натаивать для него воду из снега, пилить и колоть дрова.

Без преувеличения, это его спасло, как и последующий перевод бойлеристом маленького парового котла.

А спустя ещё некоторое время, когда с началом войны в лагерях создавалась острая нехватка медработников, начальство выявило студента-медика Бориса Лесняка. Его положили в больницу, подлечили и сделали фельдшером. Это была его первая самостоятельная медицинская работа.

И работы хватало. «Голодные, истощённые люди умирали от общего переохлаждения организма, так называемой гипогликемической комы. Умирали от дистрофии, авитаминоза, пневмонии, дизентерии.

Своей бани второй лагпункт не имел. Холод в бараках заставлял спать не раздеваясь: в обуви, в бушлатах и шапках. Поголовная вшивость являла собой настоящее бедствие и отражалась не в последнюю очередь на производительности труда. Нередко на утреннем разводе кого-нибудь недосчитывались и находили потом на нарах уже окоченевший труп».

Была середина зимы, и надо было принимать какие-то срочные меры. Где-то раздобыли походный воинский фургон-дезкамеру, отапливаемую дровами. Однако вынутые после прожарки вещи оказались сырыми, а насекомые невредимыми. Прогрели до более высокой температуры: тот же эффект. Что делать? Ведь вывести работяг на участок во влажной одежде в сорокапятиградусный мороз - значило их погубить.

«Я возился с очередной кучей одежды, только что вынутой из дезкамеры. Я расстелил на снегу телогрейку после прожарки и рассматривал швы, наклонившись над ней. Вдруг я заметил, как на угольно-черном фоне влажной одежды появилось сразу два-три белых округлых пятнышка. Потом ещё и ещё. Они «зажигались», как звёзды на небе. Я наклонился ниже. Никаких сомнений, то были вши. Они замораживались и вздувались. Живая серая вошь, замерзая, меняла окраску - делалась белой. Я стоял пораженный этим открытием».

Оказалось, что вши на морозе просто лопаются и осыпаются, если хорошо встряхнуть одежду.

О людях с гипертрофированно развитым чувством гражданского долга

1972 год. «Тридцать пять лет Колымы, двадцать два - Магадана остались позади, за кормой... Оформлена пенсия, готовят расчёт, в пути - контейнер с вещами...

Конец августа. Яркое бодрое утро. Прозрачный воздух с легкой прохладцей. Я, дочь, зять и крошечная внучка в голубой коляске вышли побродить по воскресному городу. Свой «Зенит» я зарядил цветной обратимой пленкой. Можно на прощанье поснимать город, который я знаю почти от рождения, не моего, конечно, а города...

Мои спутники стали подниматься к Дворцу профсоюзов, и я решил выйти на Пролетарскую, где не бывал давненько, и поглядеть на дом, в котором мы прожили свои первые девять магаданских лет (после отбытия срока заключения - А.Л.)...

Вот оно первое слева окно, точнее - проём. Окно комнаты номер тринадцать - моей комнаты, нашей... целая вереница воспоминаний.

- Ну что ж, с богом! - подумал я. - Надо щёлкнуть на память!»...

Закрывая аппарат, я поглядел в сторону проспекта Ленина, на который был намерен выйти. От гостиницы «Магадан» навстречу мне

шёл очень пьяный мужчина, которого хмель кидал из стороны в сторону. Ой-ля-ля! Он споткнулся о шестигранник магаданского тротуара и, сделав два-три шага вперёд с протянутыми руками, растянулся плашмя, делая безуспешные попытки подняться. Я закинул аппарат за спину, чтобы не мешал, и подошёл к нему. Глянул по сторонам, не позвать ли кого на помощь, и никого не увидев, принялся за дело. С большим усилием я поставил его на ноги, и подтолкнул легонько... Отряхнув себя, я зашагал в сторону дома...».

А вскоре к Борису Николаевичу подошёл мужчина в сером пиджаке, представившийся дежурным по областному управлению КГБ, и пригласил его проследовать с ним в стоявшую неподалеку черную «Волгу» с открытыми дверями.

«Через две минуты машина остановилась у подъезда «хитрого дома». «Давненько меня сюда не приглашали», - подумал я...

Мы прошли мимо часового и вошли в открытую дверь небольшой комнатки на первом этаже. Возле окна на стуле сидела женщина средних лет, бедно одетая. Она сидела очень прямо, словно на исповеди или причастии. Косынка, повязанная у горла, была сброшена на затылок. Со смуглого её лица горящие тёмные глаза смотрели на меня в упор.

Дежурный сел за стол, предложил мне сесть напротив и стал разбирать письменные принадлежности.

- Это он, это он! - выкрикнула женщина! - Я его сразу узнала.

- Он, он! - подтвердил шофёр. - Я за ним долго наблюдал...».

После выяснения места жительства и работы Лесняка дежурный КГБ продолжил разговор:

- Борис Николаевич, - сказал он, - вот эти два человека видели, как вы фотографировали детей на развалинах дома по Пролетарской улице и фотографировали пьяного, лежащего на тротуаре. Зачем вы это делали? Для какой цели?

- Я не фотографировал ни детей, ни пьяного...

- Как не фотографировал! Как не фотографировал!

Он фотографировал через окошко детей, которые были внутри. Я это прекрасно видела. Не верьте ему! - закричала женщина.

- И пьяного он снимал. Я как раз на углу возле гостиницы дежурил и всё видел, товарищ дежурный офицер! - сказал шофер...

- Ну, хорошо, - повернулся я к шоферу, - вы видели, как пьяный упал, вы видели, как я его снимал, тогда вы должны были видеть, как я его поднимал. Видели?!

- Ну, видел, - сказал он наступательным тоном.

- Значит, видел! И лежал он долго. Пьяный упал, когда я фотографировал дом...

- Ага, сознался! - закричала женщина, даже покраснела от азарта...

Я продолжал:

- И лежал он к вам ближе, чем ко мне. Что же вы, шибко сознательный гражданин, не подняли человека с дороги?! А я ещё искал, кто бы мне подсобил. Вы, чай, лет на пятнадцать помоложе меня...».

Затем Борис Николаевич рассказал, как было дело, и в доказательство своей правоты предложил проявить отснятое им.

- Что же касается моих обвинителей, - я посмотрел на них внимательно, - у меня нет к ним претензий. Эти люди с развитым чувством гражданского долга и высокой бдительности, высочайшей, что заслуживает глубокого уважения.

Я глянул на моих обвинителей и прочитал на их лицах смешанное чувство: досады от того, что охота сорвалась, и гордости от моих комплиментов. Думаю, что преобладало первое.

- Вы можете идти, - обратился офицер к свидетелям. Они неторопливо поднялись. И было видно, что людям с развитым чувством гражданского долга очень не хочется уходить...».

А спустя несколько минут дежурный офицер принёс свои извинения Борису Лесняку.

- Ну что вы! Всё в порядке, - успокоил я его. - Всё ж лучше перебдеть, чем недобдеть. Я так думаю. Мне можно идти?

- Да, да, конечно, - сказал дежурный офицер.

- Пустят без пропуска?

- Я вас провожу.

И проводил меня до тяжёлых дверей КГБ.

Выйдя на улицу, я вздохнул полной грудью. Приятно выходить из этого дома...».

И теперь, когда почти полвека минуло после преступного государственного безумия, невозможно не изумиться тем «homo soveticus»ам, которые заявляют, что, дескать, репрессии, может быть (?!), и были, но без них мы бы не выстояли против гитлеровцев, не изумиться тем, кто откровенно скучает по товарищу Сталину, ходят с его портретами и с легкостью необыкновенной провозгласили себя преемниками КПСС, даже не думая посыпать голову пеплом!

Мне осталось лишь добавить два эпизода, о которых в книге Бориса Николаевича не сказано.

Когда поражение в правах закончилось, Борис Николаевич пришёл за получением паспорта. Заполняя анкету, представитель КГБ спросил, какую национальность записать в пятый пункт паспорта (поскольку отец Бориса Николаевича — русский, а мать — еврейка). Борис Николаевич ответил: пишете — еврей. Клерк удивлённо вскинул глаза: мол, мало было приключений, что ли, зачем искать новые на свою голову?

Борис Николаевич ответил: «Евреев и так много убили в войну, так пусть на одного живого будет больше!».

А в 1976 году, спустя три с лишним года после возвращения в Москву и выхода на пенсию, он вместе с инженером Александром Фюрстенбергом и журналистом Борисом Марьямовым основал Московский клуб афористов. Подзаголовок этой статьи — один из блестящих афоризмов, выстраданных Борисом Николаевичем.

Предлагаю вниманию читателей некоторые из афоризмов Бориса Лесняка.

Ирония - предохранительный клапан жёлчного пузыря
Взятка - колесная мазь в механизме общественных отношений
Время врачует раны, если их не посыпать солью
Как медленно мы взрослеем и как быстро старимся
Душа приходит к финишу раньше, чем тело
Исповедь в чужих грехах - это уже донос
Лишь в братских могилах все люди становятся братьями
Меняю любовь ближнего на вежливость и терпимость
Некоторые мысли нужно выводить на поводке и в наморднике
Умы как ножи - затачиваются друг о друга
Политика кнута заключается в том, чтобы выглядеть пряником
Если фарс долго не сходит со сцены - это трагедия
Всегда есть зады, тоскующие по розгам
Согнутый в дугу - распрямился в оглоблю
Когда идеи прививают как оспу, то к идеям возникает иммунитет
Заткнуть рот легче всего пирогом
И возле пылающего глагола можно погреть руки

2002 г.

Глеб Евгеньевич Лозино-Лозинский

«Не поддаваться унынию!»

Я слышал его выступления дважды: в Доме Российской армии (в ноябре 1998 г. по случаю 10-летия запуска «Бурана») и в Доме учёных (в январе 1999 г. на XXIII Королёвских чтениях). И оба раза выступления ровесника отечественной авиации Глеба Евгеньевича Лозино-Лозинского были наиболее информативными, энергичными и дышали оптимизмом. И это – в наше время и из уст человека, которому в этом году исполняется девяносто! Редкому творческому долголетию и оптимизму Генерального директора и Генерального конструктора НПО «Молния» можно только позавидовать! Не скрою, тогда, в Доме учёных, я сделал над собой усилие, чтобы преодолеть естественный трепет и попросить Глеба Евгеньевича о встрече. Он с готовностью согласился. И вот – мы беседуем с ним в его рабочем кабинете. До этой беседы я знал о

нём только как о руководителе работ по созданию «Бурана»: сказался жесткий режим секретности, ушедший ныне в прошлое.

Итак, он родился 25 декабря 1909 года. Возможно, именно в этот день совершил свой полёт Ю. Кремп, самолёт которого первым в мире был оборудован лыжным шасси и, по свидетельству современников, явился «первым русским аппаратом, оторвавшимся от земли». Так или иначе, но уже в 1932 году молодой специалист Лозино-Лозинский начал работу в авиапромышленности и не расстаётся с ней до сих пор.

– **Глеб Евгеньевич, давайте начнём с Вашей фамилии. По-моему, в ней звучит что-то благородное, дворянское...**

– Вы не ошиблись: мой отец – столбовой дворянин. Правда, генеалогию я не проследил. Должен сказать, что дворянское происхождение мне в жизни никогда не мешало, даже в сталинские времена. Другие вралы, скрывали, их уличали органы. Я же ни разу не солгал о своём происхождении, и никто меня не упрекнул. Семинарист Сталин, наверняка, знал фразу из библии – единожды солгавший, кто тебе поверит – и вралей не терпел. Интеллигенция же у нас сами знаете, какая: любителей «съесть» соседа хва тает. А при Сталине был создан простор для таких наст роений.

– **Расскажите, пожалуйста, о себе.**

– Кончил ХАИ (Харьковский авиационный институт–А.Л.) по специальности паротехника, проходил практику в котельных, по окончании института был распределён на строящийся Харьковский турбогенераторный завод, готовившийся выпускать паровые турбины рекордной тогда мощности в 50 тыс. квт. Два года проработал там. Потом проектировал в ХАИ паротурбинную установку мощностью в несколько тыс. л.с. Затем эта работа была продолжена в Ленинградском котлотурбинном институте. Там же я проработал проект самолётной силовой установки с поршневым двигателем и форсажной камерой. Использование компрессора, пусть и небольшой степени сжатия, и камеры сгорания были прообразом будущих форсажных камер турбореактивных двигателей.

В феврале 1941 года перешел на работу в Киев, а в июле того же года эвакуировался в Куйбышев в КБ Артёма Ивановича Микояна. Здесь, на самолёте Миг-13, стала реальностью идея применения форсажной камеры с поршневым двигателем. Скорость полета достигала 900 км/час.

Потом начались разработки самолётов с форсажными камерами следующего поколения – с турбореактивными двигателями. На МиГ-17 впервые была превзойдена скорость звука.

В 1965 году меня назначают Главным конструктором авиакосмической системы «Спираль» («изделие 105»). С самолёта-разгонщика ТУ-95 сбрасывался орбитальный самолёт для проверки аэродинамических характеристик на дозвуковых скоростях и посадочных режимах. Однако тогдашний Министр обороны А.А. Гречко закрыл эту работу, посчитав её ненужной. Потом – продолжение работы над следующими вариантами серии «МиГ». За разработку истребителя «МиГ-25» мне было присвоено звание Героя Социалистического труда. Работу над истребителями завершил в феврале 1976 года в качестве Главного конструктора самолёта «МиГ-31» и первого заместителя Генерального конструктора.

– И здесь начался «буранный» этап в Вашей творческой биографии?

– На базе двух КБ на территории Тушинского завода и КБ Мясищева было образовано НПО «Молния». Я стал его Генеральным директором и Главным конструктором. Начались работы по «Бурану». Многие смотрели на меня, как на сумасшедшего: вычислительная техника – в зачаточном состоянии, а речь идёт об орбитальном корабле, работающем без пилота в полностью автоматическом режиме. Отдаю высокую дань уважения В.П. Глушко как инициативному, знающему руководителю, всегда внимавшему логике. Только знания и логика. И – чёткое руководство.

– Понимаю, что тема «Бурана» неисчерпаема, однако, хотелось бы услышать о нём из Ваших уст, чтобы перекинуть мостик в XXI век.

– «Буран» – грандиозная эпопея и огромный шаг вперёд в области создания космических транспортных средств. Вопреки многим точкам зрения, хочу подчеркнуть, что решение В.П. Глушко о четком разделении функций между ракетой-носителем и «Бураном» было верным. В системе «Энергия-Буран» благодаря этому есть два автономных изделия: мощная ракета-носитель, способная выводить на орбиту и другие полезные грузы, и энерговооружённый космический самолёт.

Сам по себе полностью автоматизированный «Буран» – очень важный шаг в развитии будущих транспортных космических систем. Это ещё на заре разработки хорошо понимал Дмитрий Федорович Устинов. Он однажды сказал мне: «Ты, Глеб, не беспокойся. Пойдёт «Буран» или нет – он будет основой будущих разработок!». И теперь мы действительно видим, что на основе сделанного можно создавать многообразные, высокоэкономичные, многофункциональные корабли. Но сегодня, пока страна находится в тяжелейшем кризисе, мы не очень используем это актуальное, весомое наследство. Я имею в виду полностью автоматизированный самолёт со встроенной системой контроля, с оценкой состояния борта. На первом запуске «Бурана» на каждую систему самолёта был свой телеканал с дисплеем, за которым сидел специалист на случай, если срочно потребуется его вмешательство. Однако получилось так, что специалисты только подтвердили, что всё идёт нормально. Встроенная система контроля и диагностики также подтвердила свою надёжную работу.

Многие не верили в успешную посадку. На спуске происходит нагрев внешней поверхности элементов конструкции до 1500 градусов Цельсия, а скорость меняется от 27 000 км/час до посадочной скорости 300 км/час. Пока летал «Буран», многие упражнялись в составлении проектов сообщения ТАСС о неудаче.

Однако ж, несмотря на сложные метеоусловия, не соответствовавшие допустимым (встречный боковой ветер достигал при порывах 20 м/сек вместо допустимых 15-ти) корабль сел. Да ещё как! Движение шло строго по расчетной траектории. Кораблю были сообщены данные о силе и направлении ветра в месте посадки. Система управления «Бурана» учла эти показатели. «Буран» прошёл над аэродромом, развернулся на...90 градусов (вместо 180!) и пошёл...поперёк посадочной полосы к немалому удивлению и беспокойству пилотов сопровождения. Но пилоты поторопились беспокоиться: умница «Буран» сделал этот неожиданный маневр для увеличения петли посадки с целью гашения посадочной скорости, превышавшей заданную. Потом он повернул ещё на 90 градусов и чётко сел. Это была первая и до сих пор единственная автоматическая посадка в мировой практике!

Важно отметить, что отработанная на «Буране» автоматика позволяет проводить подготовку к пуску буквально двум-трём специалистам, т.к. бортовая система диагностики всегда скажет

персоналу, где неисправность. Это тот самый контроль состояния, который активно внедрялся в свое время в авиации.

Вся система управления бортом была отработана очень тщательно. В НПО «Энергия» был создан комплексный стенд, на котором отрабатывались все бортовые системы корабля, включая его взаимодействие с наземными службами. Такой исключительно тщательный подход – образец отработки, обеспечившей безотказные испытания и ракеты «Энергия», и системы «Энергия–Буран».

Кстати говоря, во время моей поездки по зарубежным странам с лекциями о разработке «Бурана» выявились два момента, восхищившие и удивившие зарубежных специалистов. Во-первых, они никогда не предполагали что Россия сможет так организовать и скоординировать работу более 1000 предприятий-смежников, что все предшествующие работы и триумфальный пуск «Бурана» пройдут без сбоев. Во-вторых, их поражала полная автоматизация борта «Бурана», обеспечившая беспилотную посадку.

– Глеб Евгеньевич, а что это за новый космический проект «МАКС», над которым Вы работаете?

– Автоматизированная система контроля состояния «Бурана» позволяет создать...летающий космодром, основой которого может стать известный самолёт «Мрия», разработанный КБ О.К. Антонова. Бортовой стартовый комплекс полностью контролирует состояние бортовых систем. В процессе полёта – непрерывный контроль: пуска маршевых двигателей, разделения «Мрии» с космическим кораблём и запуска его на орбиту. Это радикально меняет взгляды и возможности системы выведения орбитальных самолётов. При выведении на орбиту «Союза» с помощью «семёрки» (ракета Р-7 – А.Л.) до стыковки со станцией проходит 2 суток. Система же «Мрия плюс орбитальный самолёт МАКС» обеспечивает вывод корабля в плоскость, строго компланарную с плоскостью орбиты станции, что делает возможной стыковку уже через 2–3 часа. На случай спасения экипажа станции это условие становится решающим.

Многоцелевая авиационно-космическая система («МАКС») представляет собой двухступенчатый комплекс воздушного старта, состоящий из самолёта-носителя Ан-225 «Мрия» разработки АНПК им. О.К. Антонова (Украина, Киев), на котором устанавливается орбитальный самолёт в пилотируемом или беспилотном варианте или грузовой контейнер с внешним топливным баком, заполненным криогенными компонентами топлива. Система базируется на

обычных аэродромах 1 класса, дооборудованных необходимыми для «МАКС» средствами заправки компонентами топлива, наземного технического и посадочного комплекса и вписывается, в основном, в существующие средства наземного комплекса управления космическими системами.

Такая система выведения на орбиту позволяет оптимизировать параметры пуска, осуществлять экваториальные запуски, контролировать с экватора запуски других систем. В грузовом варианте система позволяет забросить на геостационарную орбиту 4–5 тонн полезного груза.

– **На фоне услышанного как-то блекнет «Морской старт»...**

– Я не люблю говорить о недостатках других разработок. Лучше скажу, что идея фирмы «Боинг» сделать «морской старт», идея ПОДВИЖНОГО старта, подтвердила мою идею системы с самолётным подвижным стартом «МАКС» – многоцелевой (многофункциональной) авиакосмической системы. Судьба «Мрии», как и «МАКСа», соответствует судьбе России. Но я не сомневаюсь, что «МАКС» и «Мрия» станут на ноги, как и Россия. И произойдёт это достаточно скоро. Для Европы очень важно обрести самостоятельность в космической деятельности. А мы – Европа. Что касается международной станции «Альфа», то она – коммуналка. По мере же развития техники обязательно произойдет переход на собственные квартиры, ибо необходимо иметь возможность использовать космическую деятельность для нужд страны. Информация, полученная из космоса, – основа развития любой страны в XXI веке. Уже сегодня получение, обработка и распространение информации немислимы без космоса. Завтра эта роль увеличится. Естественно, возрастет потребность в подвижном, оперативном, дешёвом транспортном средстве. А «МАКС» на порядок дешевле современных средств выведения. Так что «МАКС» – основа будущего широкого освоения космоса.

Что касается дня сегодняшнего, нужны средства, чтобы хотя бы передать знания от уходящего поколения молодым, чтобы было кому перехватить знамя, сохранить опыт и возможность дальнейшего развития.

– **А какова судьба «Мрии»? Сколько этих самолетов существует? Где они?**

– Один экземпляр доставил «Буря» на выставку в Бурже и затем вернул его обратно. Этот самолёт сделал до того несколько

сотен полётов, однако, сертификацию «Мрия» так и не прошла. Сейчас этот экземпляр стоит в ОКБ Антонова (г. Киев) со снятыми двигателями и ис используется в качестве...склада готовых изделий. Второй экземпляр – так и пребывает в полусобранном состоянии: отсутствует финансирование. А у России «Мрии» нет.

– Глеб Евгеньевич, какие личности оставили заметный след в Вашей жизни?

– Это Артем Иванович Микоян, под чьим руководством я проработал 30 лет, с 1941 по 1970 год. Я глубоко благодарен ему за всё то, что он вложил в меня! Другой человек – Министр авиации Петр Васильевич Дементьев – блестящий руководитель с необычайно развитым чувством нового. Я назвал его, по аналогии с Генеральным конструктором, Маршалом-конструктором. Это название – моя интеллектуальная собственность.

– И последний вопрос. В чем, по Вашему мнению, причины редкостного, завидного творческого долголетия?

– Во-первых – гены, за которые я благодарен моим родителям. И во-вторых, определенный моральный настрой. Пережито много. Гражданская война на Украине, холера, голод 1933 года, страшные годы войны с фашистами. Но как бы ни было трудно, я всегда говорил себе: не поддаваться унынию!

– Благодарю Вас за интересную беседу. От души желаю Вам: так держать!

P.S. Когда Глеб Евгеньевич, провожая меня, вышел из кабинета, секретарша сообщила о том, что институт геронтологии приглашает его на семинар по процессам старения. Пишу об этом только для того, чтобы сообщить о реакции Глеба Евгеньевича. Практически не раздумывая он ответил: «Как люди стареют, я и без них знаю. Лучше бы сказали, как помолодеть!».

1999 г.

Арвид Владимирович Палло

*В те лихие времена мало кто мог на такое решиться.
Палло это сделал!*

Арвид Владимирович Палло, один из сотрудников РНИИ, до объединения с ленинградской ГДЛ – легендарной ГИРД (группа изучения реактивного движения).

Последний из могикан, живая легенда – называйте его, как хотите, но я сижу в кабинете его московской квартиры, а он рассказывает мне о своей насыщенной событиями жизни.

Он родился в 1912 году Москве.

Окончил школу, потом – вечерние чертёжно-конструкторские курсы (по совсем недавнему это – техникум, теперь колледж). Попытался поступить

в МВТУ – не взяли «по социальному положению»: отец – служащий, а в конце двадцатых годов в вузы брали, в первую очередь, из рабочих. Свое стремление к технике пришлось Арvidу утолять по вечерам на специальных курсах общего машиностроения (СКОМ). А в дневное время, начиная с 1926 года, работал, где только находилась работа. Состоял на бирже труда и был направлен радиомастером на электромоторный завод им. Лепсе. Затем в 1929–1930 гг. нашлась работа по контракту в ОРПО (орудийно-пулемётное объединение на заводе № 8 в теперешнем Королёве). По окончании контракта перешёл в МАИ, где в технологической лаборатории у главного авиаконструктора Д.П. Григоровича принимал участие в строительстве самолёта «СТАЛЬ-МАИ». Это была попытка построить самолёт из нержавеющей стали, без единой

заклепки, только с использованием точечной сварки. Полученный опыт пригодился затем на самолётостроительном заводе в Казани, где начальник группы А.В. Палло участвовал в создании дальнего бомбардировщика ДБА.

В 1934–1936 гг. – служба в РККА (конная артиллерия и истребительная авиация – готовил самолёты к полётам). В 1936 году, после службы в армии, Арвид Палло приходит в РНИИ, где знакомится с Сергеем Павловичем Королёвым и начинает работать под его началом.

– Если со мной, – сказал ему тогда Королёв, – то только на всю жизнь!

Арвид согласился. И так бы, видимо, и было, если бы не арест Королёва в 1938 году. В отсутствие Королёва Палло завершает отработку планера Королёва с ракетным двигателем, что способствовало созданию БИ – истребителя-перехватчика, к чему Палло тоже приложил руки. Это было уже в начале войны, в Билимбае (60 км от Свердловска). Потом – Нижний Тагил, где шло изготовление ракетных двигателей для БИ, отзыв в РНИИ для отработки двигательной установки к самолёту 302-П (с первой насосной системой подачи компонентов топлива). В 1945 году Арвида Палло направляют в Германию, где, в порядке освоения, испытывает двигатели немецкой ракеты ФАУ-2. Возвратясь в Москву, Арвид Владимирович работает в АН СССР под началом академиков Евгения Чудакова, Александра Микулина и Бориса Стечкина: стран хотела иметь подводные лодки с двигателями, работающими на безвоздушном цикле.

В 1958 году Палло вновь приходит к Королёву, к которому упрямый Стечкин «уступил» Палло ему. С тех пор и до 1996 года Арвид Владимирович проработал на фирме, созданной Королёвым (теперь – РКК «Энергия» им. С.П. Королёва), приняв участие в очень многих работах: поисковая группа (обнаружение и доставка возвратившихся с орбиты Белки, Стрелки, потом – Гагарина и Титова), отработка вымпелов, разбрасываемых по поверхности Луны, и мягкой посадки «Луны-9» и т.д. Короче, за какой период его жизни ни возьмись, любой – легенда.

Я привожу рассказ Арвида Владимировича при второй из пяти наших насыщенных событиями встреч.

НАКАНУНЕ ШТУРМА СТРАТОСФЕРЫ

Сергей Павлович мечтал о прорыве человека в стратосферу, куда самолётам с поршневым двигателем путь был заказан. Только летательный аппарат с ракетным двигателем – ракетоплан – мог это сделать. Но для этого надо было сначала убедиться в том, что полёт человека на аппарате с ракетным двигателем возможен. Такой полёт Королёв считал вполне реальным, ведь в ГИРДе отработывался ракетный двигатель конструкции Ф.А. Цандера, а по заказу ГИРД был построен ракетоплан конструкции Б.И. Черановского БИЧ-11. С.П. Королёв, имевший диплом пилота, брал на себя отработку планера Черановского с двигателем Цандера. Однако в ходе наземной отработки устойчиво работающий двигатель так и не был получен. Королёв совершил 29 парящих полётов и 5 – с работающим, но поршневым двигателем. Такова предыстория работ над ракетопланом в ГИРДе.

Помимо ракетоплана С.П. Королёв работал над созданием крылатых ракет военного назначения. Для них был использован двигатель ОРМ-65 конструкции В.П. Глушко. Его-то Королёв и решил установить на планер собственной конструкции СК-9. Новый ракетоплан получил индекс РП-318-1. Мечта Королёва – самому подняться на ракетоплане – становилась реальной. Наземная отработка РП-318-1 началась в 1937 году, но уже в апреле 1938 года был арестован В.П. Глушко, а в июне – С.П. Королёв. Работа стала бесхозной, но в планах работ РНИИ – осталась.

Несмотря на столь нелепую ситуацию, военные считали продолжение работ перспективным, и в конце-концов было принято решение продолжить работы над ракетопланом. Отдел С.П. Королёва и отдел В.П. Глушко были слиты в один под началом Л.С. Душкина, а А.В. Палло был назначен ведущим конструктором по отработке РП-318-1. В его задачу входило обеспечение максимальной безопасности пилота. Соседство пилота с ЖРД (жидкостным ракетным двигателем) было столь необычным и, надо прямо сказать, пугающим, что на первых наземных запусках из кабины между пилотом и двигателем ставили бронеплиту. А бояться было чего: прогорало сопло, возникали пульсации, происходили взрывы при запуске, а после отсечки – долгое огорание, да и сам запуск можно было назвать надёжным лишь с большой натяжкой. Здесь не место техническим подробностям, но

специалисты меня поймут, если сказать, что в ходе «лечения» двигателя были найдены решения, ставшие позднее классикой ЖРД-строения: двойной (ступенчатый) запуск (пусковой и рабочий режимы), размещение отсечных клапанов перед форсунками камеры, пневмоуправление (вместо механического) и т.д. И стал двигатель называться РДА1-150 (ракетный двигатель, азотный, модель 1, тяга – 150 кг).

Успешно закончены трудные наземные испытания, настал черёд испытаний РП-318-1 в полёте с работающим ЖРД. В кабине РП-318-1 – В.П. Федоров, а в самолёте-буксировщике А.В. Палло и А.Я. Щербаков – глава самолётостроительного КБ, выделивший для испытаний своего пилота. Набрав высоту 2800 метров, пилот отцепил трос, запустил двигатель и, быстро набрав скорость, ушёл от буксировщика. Догнать его буксировщик не смог, и тогда Палло и Щербаков поторопились приземлиться для встречи первопроходца В.П. Федорова. Это произошло 28 февраля 1940 года на аэродроме в г. Калининграде (теперь – Королёве) на территории теперешнего ЦНИИмаша.

Затем было проведено ещё два успешных полёта (10 и 19 марта 1940 года), после чего дирекция НИИ-1 решила работы прекратить: стало ясно, что человек летать с ракетным двигателем может. Реальным теперь представлялся следующий шаг – сделать не планер, а самолёт с ЖРД. И эту задачу, как эстафетную палочку, подхватили два коллектива: В.Ф. Болховитинова, с проектом самолёта-перехватчика БИ (конструкции Березняка-Исаева), и А. Костикова с В. Тихонравовым (с вариантом перспективного самолёта на воздушно-реактивном двигателе).

Но это – уже следующий этап развития техники. А завершая эту страницу, я просто обязан рассказать читателю следующее. Осенью 1940 года ракетоплан РП-318-1 перевезли в РНИИ, где разобрали, а в августе 1941 года, в связи с участвовавшими налётами фашистской авиации на Москву, сожгли. Летчик В.П. Федоров погиб во время Великой Отечественной войны. Это случилось 28 мая 1943 года в районе подмосковного города Бронницы.

В 1944 году С.П. Королёв был выпущен на свободу, и А.В. Палло встретил его в стенах РНИИ. Арвид Владимирович протянул Королёву руку, но тот, прежде чем пожать её, спросил: «А ты не боишься?» Палло не боялся. Он назвал Сергею Павловичу номера секретных отчетов об отработке его мечты. Когда Королёв

ознакомился с отчётами, он выразил Арvidу Владимировичу свою глубокую благодарность. Это было сделано лично, без всяких официальных приказов. Сергей Павлович был благодарен Палло за то, что он в отчёте назвал Королёва автором планера СК-9. Надо ли говорить, что в те лихие времена на такое мало кто мог решиться. Арвид Владимирович Палло это сделал. А благодарность С.П. Королёва он помнит до сих пор, считая её самой высокой наградой.

2001 г.

Марк Григорьевич Розовский

*«Обрести своё достоинство
и сохранить его в поступках».*

Беседа первая. Девять дней, которые потрясли Марка Розовского

Художественный руководитель и главный режиссёр театра «У Никитских ворот», заслуженный деятель искусств России Марк Розовский, вернувшись из краткосрочной поездки в Южную Корею, любезно согласился ответить на мои вопросы. Беседа вышла далеко за рамки собственно гастролей и затронула различные стороны жизни современной России.

- Марк Григорьевич, в этом году ваш театр дважды выезжал на гастроли за рубеж - в Израиль и США, - а сами вы, так сказать, под занавес года посетили ещё и Южную Корею. Ваши впечатления от зрителей этих стран, от Южной Кореи?

= Если театр хороший, то и зритель тоже неотличим от нашего. Если спектакль имеет успех у нас, то он, конечно же, будет иметь успех и там. Однако, к их восприятию примешивается какой-то более сентиментальный мотив, связанный с более обострённым осознанием того, что делается в нашей стране. Они держат руку на нашем пульсе и никак не могут его отпустить. Казалось бы, что они живут в совершенно ином социуме. Но такое впечатление, что их гораздо больше волнует всё то, что происходит у нас, чем то, что у них под носом, в Америке. Это, с одной стороны, понятно, а с другой - удивительно. И объясняется тем, что человек не может перепилить себя пополам. Даже получив американское или израильское гражданство, он всё равно остаётся самим собой, он не может, как ящерица, отбросить хвост в прошлое. Поэтому «заинтересованность» в наших проблемах у них постоянно ощутима. Хотя, должен сказать, не у всех. Есть некоторые особи, которые весьма активно доказывают самим себе (иногда это чувствуем и мы), что они живут уже совершенно иной жизнью и что их всё «наше» не касается.

Думаю, это некий комплекс, постоянное самозомбирование: мы уехали, давайте подведём черту. Наверное, психологически это им

довольно часто помогает, но большинство уехавших от нас туда (их всех там называют «русскими»!) всё равно принадлежит собственной прошлой жизни.

За счёт этого и происходит их большое волнение, переживание на наших спектаклях, за счёт этого, как правило, и происходит доброжелательное отношение к нашему театру. Те же самые репризы, которые вызывают смех в Москве, вызывают его и там. Точно так же зал затихает, как и в Москве, на эпизодах, которые этого требуют.

- Теперь - несколько слов о Южной Корее. Вы погрузились в совершенно незнакомую экзотику?

- Я ездил туда по приглашению, весьма неожиданному, корейского театра «You», которым руководит известный режиссер и актер Ю Ин Чон, так что название театра имеет двоякий смысл: с одной стороны, это английское «Вы», с другой - руководитель театра Ю Ин Чон. Он входит в пятерку самых лучших актёров Южной Кореи. Снимается в кино, сыграл короля Лира, Гамлета. Теперь решил сыграть Холстомера. Меня он пригласил в самый разгар репетиционного процесса, чтобы я помог актёрам ощутить мир Льва Толстого, внедриться в русский театр, в русскую культуру. Я впервые оказался на таком Востоке, хотя и родился в Петропавловске-Камчатском. Мне было чрезвычайно интересно. Я просто потрясён, полон впечатлений.

Чем? Прежде всего - самым способом жить! Он, этот способ, - в неожиданном сочетании почвы, древности, традиций с... тридцать первым веком! Это сочетание у них совершенно поразительно. Я провёл 9 дней в Сеуле. Это огромный мегаполис, там жителей больше двенадцати миллионов, там фирмы LG, Samsung, там жизнь, начиненная электроникой, автомобилями, покорившими мировой рынок. Само общество поразило меня исключительной воспитанностью, вежливостью, добросердечностью людей. Корея - страна, прежде всего, буддистов и протестантов. И мне показалось, что экуменическая религиозная составляющая их жизни дала прекрасные, потрясающие результаты. Я убедился, как это важно и у нас, в стране ортодоксальной церкви.

- Вам не кажется, что сама жизнь человечества сделала нас свидетелями уникального социального эксперимента в чистом виде. Я имею в виду Западную и Восточную Германию, Северную и Южную Корею. Один и тот же народ однажды был разделён способом жизни, и сейчас мы наблюдаем результат.

- Я бы с вами согласился, если бы были только эти примеры. Но я бы вспомнил ещё и Финляндию, когда-то задворки Российской империи, её глубокую, отсталую провинцию, «приют убогого чухонца», как отметил еще А. Пушкин. Но сегодня Финляндия далеко впереди нас, и её пример настолько очевиден, что не оставляет никаких шансов коммунистам доказывать, будто предложенное ими было лучше.

- Есть такой анекдот. Карла Маркса оживили и предложили ему выступить по телевидению. И он сказал лишь одну фразу: «Пролетарии всех стран, извините меня!».

- Всякие сталины, брежневцы, зюгановы и все их прихвостни должны были бы уже давно покрыться краской стыда и попросить у народа прощения за то, что ввели его в заблуждение, да ещё и кровавое.

- Где еще гастролировал Ваш театр?

=- Мы ведь в 2000-м ездили не только за границу. Мы побывали и в Вологде, и в Волгограде, и в Ростове-на-Дону, и в Нижнем Новгороде. Ездим по приглашению, значит, нас хотят видеть. Что касается поездок за рубеж, то мы там были уже неоднократно. Только в США наша последняя поездка была пятой. Нас пригласили сейчас ещё и в Германию.

- А «Самосожжение Розовского» показывали?

- Бывало. Играл его несколько раз. Должен вам сказать, рынок за границей настолько заполнен сегодня огромным количеством наших соотечественников на гастролях, что втиснуться туда всё трудней и трудней. Там стонут от количества «приезжантов» из России. Одних американцы очень высоко оценивают, от других - просто плюются. А высказывают это всё нам. Туда часто возят халтуру, какие-то поделки, но будем честны: у них потребность в настоящем искусстве весьма ослаблена. У них прежде всего важна коммерция. Попытка, к примеру, привезти мой лучший спектакль «Дядя Ваня» Чехова встречает стеклянные глаза: сбора, говорят, не будет. Пока вместо Чехова им нужен Киркоров.

- За рубежом имеют ли театры поддержку государства или они - чисто коммерческие предприятия?

- Театр там имеет поддержку не только со стороны государства. У них принят Закон о меценатстве, у нас такого Закона нет. Все театры Америки получают огромные деньги от разного рода фондов,

фирм, меценатов. Это считается почётным. Каждый, кто дал хотя бы 10 долларов на развитие театра, вносится в почётные списки жертвователей, на креслах выгравировываются их имена. Эти люди называются «донорами». Там выгодно вкладывать в культуру, выгодно помогать. Благотворительность там выгодна. Наша же Дума мурыжит даже куций, как всегда, половинчатый проект Закона о меценатстве. Даже если Дума в конце концов примет его, ничего хорошего не жду. Будет видимость Закона. Дума ведь хочет старую распределительную систему и всеми силами тормозит развитие культуры в России в цивилизованных формах. Там огромное количество грантов, меценатов, фондов. В Америке огромное число театров и университетов, в каждом из которых есть театральная факультет. В Америке сильны актёрские профсоюзы, его члены содержат себя на заработанные актёрским трудом деньги. Именно такие считаются профессионалами. Вы можете получить театральное образование, но это ещё не значит, что вы - профессионал. Торжествует принцип справедливости на деле. У нас же можно иметь «корочки» и считаться профессионалом. У нас тысячи людей с актёрским образованием, которые так и не стали артистами.

- Ваша оценка состояния театрального дела в Москве?

- Минимальное движение в плане реформ есть: слышится скрип колёс. Быстрое движение было только при Гайдаре. Далее мы получили прокоммунистическую Думу, озабоченную тем, как бы повернуть движение вспять. Думцы называют это стабильностью. Больших результатов от такой «стабильности» нет. Всё, что было реально изменено в нашем обществе, было изменено за 9 месяцев правительства Гайдара, который оказался побиваем камнями и занимается теперь только наукой.

По сей день то, что предлагает Герман Греф, встречает лютую ненависть со стороны тех же сил, их яростную оппозицию, и прежде всего экономическим реформам.

В области театра никаких реформ реально не произошло, кроме одного момента, который самым существенным образом повлиял на положение театра. Это - отмена цензуры. Сегодня мы творим в действительно свободном пространстве: делай, что хочешь. Но это - палка о двух концах. В условиях свободы слова эту свободу получили и те, кому нечего сказать. Возникает проблема художественной ответственности за то, что сказал. И наш российский театр в условиях свободы и отсутствия должного уровня культуры зашатало. Это

сказывается очень сильно на духовном здоровье нации и может быть преодолено только созданием новых условий для упрочения роли культуры в жизни нашего общества.

Можно делать потрясающие ракеты, которые будут взрываться в воздухе из-за отсутствия культуры. Можно строить замечательные подводные лодки, тонущие из-за отсутствия культуры. Можно создавать самые совершенные танки, которые будут пересекать наши границы и давить мирных граждан, если не будет культуры. Всё в итоге упрётся в это и только в это. К сожалению, такого рода понимания нет ни наверху, ни внизу. Более того, похоже, что сверху сознательно дурят людям головы, зомбируют, делая всех нас полуидиотами: чернью легче управлять. Чернь бездуховна. Но мы - не чернь. Мы - народ, у нас есть дух, носителем которого является прежде всего культура.

- Известно, что когда Сталин отправил Максима Литвинова в отставку с поста Министра иностранных дел, ему предложили стать Министром культуры. Ответ Литвинова был таким: «Культура в министре не нуждается». Вы с ним согласны?

– Прежде, чем иметь Министра культуры, надо, чтобы культура была у министра. Поскольку же нашими министрами культуры были своё время ткачиха, химик, просто партфункционер, то о чём и говорить. Лучшим Министром культуры в советское время считался Анатолий Луначарский. Но ведь и этот человек с амбициями философа и практикой драматурга, пытавшегося писать исторические пьесы, основываясь на классовом сознании, закрывал театры пачками!

Поэтому отсутствие цензуры, покуда оно есть, является всеопределяющим. Это достижение велико и реально! Это - наивысшее достижение!

Мне нравятся слова Юрия Лужкова: наша главная задача в области культуры - не мешать. Вторая задача - поддерживать.

В Москве, мне кажется, это происходит в большей степени, чем в других городах страны. И это приятно. При всех сложностях финансирования нам никогда не задерживали зарплату. Мы, как гостеатр, пусть мизерную дотацию, но получаем. Это отрадный факт нашей жизни. Хотя, к сожалению, достойной жизни ещё нет. Но ведь её нет нигде! Я не считаю, что артисты должны жить лучше, чем врачи, педагоги, инженеры. Достойно должны жить все. У нас же непомерно хорошо живут звёзды. Они - не рвачи, но часто получают

не по таланту. Увы, в обществе так сложилось, что разрыв между звёздами, а иногда просто хорошо «раскрученными» посредственностями, и классными, но безвестными профессионалами очень велик, неестественен и неорганичен. Такое положение нуждается в корректировке. Но рынок - есть рынок. Здесь нельзя ставить ограничители. Надо заботиться о том, чтобы появился культурный средний класс. Это проблема всей нашей страны, а не только людей театра.

- Если бы Министром культуры назначили Марка Розовского, что бы он попытался сделать для театра?

– Я бы прежде всего попытался провести Закон о театре в одном пакете с Законом о меценатстве, чтобы они дополняли друг друга, были продуманы до мелочей и насыщены конкретикой и знаниями тех реальностей, в которых мы творим.

– Кроме чувства ответственности, что ещё «давит» сегодня на режиссера и художественного руководителя?

1) Чувство ответственности на меня вовсе не давит. Напротив, оно - моя опора, источник моей энергии. А давят, как говорил Станиславский, предлагаемые обстоятельства: мои коллеги - актёры бедствуют. Когда я вижу, что прекрасный актёр иногда не имеет денег даже на стакан чая в театральном буфете, моё сердце разрывается от боли. Это несправедливо! Это стыдно! Он честно трудится, но он - изгой, получается - он никому не нужен. И при этом я вижу, как множество денег вылетает в трубу, на фейерверки, какую-то мишуру. Это - свидетельство нашего крайне низкого духовного развития. Когда я не могу собрать деньги на «Вишневый сад», собираю на костюмы по рублику, а «новые» русские спускают в этот момент деньги для воздвижения некой пустоты на пьедестал, мне больно! Это бешенные деньги. То есть, деньги, которые взбесились!

В этой ситуации мы учимся зарабатывать сами. Поэтому - много поездок. Мы кровью, потом и слезами оплачиваем наш успех. И пока есть аншлаги, я смотрю на дело оптимистично и не горюю. Иногда приходится быть и Плюшкиным. Копим. Но в итоге - в выгоде все - и мы, и зрители. Да, приходится очень непросто, иногда надо и словчить, извернуться. Но пока зал полон - всё прощается. В конце концов, театр - это то, что происходит на сцене, а не за кулисами.

– У вашего театра есть меценаты?

- Нет, пока нет. Один раз помог фонд Сороса, при поддержке которого мы поставили спектакль «Убийство в Храме. Репетиция» памяти отца Александра Меня. В результате появилась возможность, и мы приобрели прекрасную световую аппаратуру.

Приходится слышать, что концепция театра-дома, театра главного режиссера исчерпала себя при сегодняшней открытости мира. Вы с этим согласны?

- Всё как раз наоборот! Та антреприза, которая противостояла театру-дому, себя исчерпала. Осталась одна только коммерция. Да, залы порой полные, а искусства-то и нет.

Великая русская театральная школа, придуманная Станиславским для создания ансамбля актёрских индивидуальностей, театр-дом, театр-храм - это самое священное достояние русского театра. Всё остальное, как говорят, - мираж и тираж. Русский репертуарный театр мы должны хранить как зеницу ока!

Это не значит, что репертуарный театр не может закоснеть. Тому примеры тоже были и есть. Всё решает художник! Но я не против и антрепризы: если получился хороший спектакль, я на него пойду.

- И, наконец, вопрос, не относящийся к Розовскому, как театральному деятелю, а как к члену комиссии по помилованию при Президенте России. Как работает комиссия?

- Существует Главное Правовое Управление. Туда поступают документы, и каждую неделю мы рассматриваем до двухсот дел. Это наша общественная работа, мы за неё ничего не получаем, считая, что у милосердия нет альтернативы.

Наш долг - дать шанс провести оставшуюся жизнь честно даже преступнику, совершившему ранее тяжкое деяние и понёсшему часть наказания.

Статистика неумолимо показывает следующее: доля людей, помилованных и при этом вставших на путь рецидива, во много раз меньше доли людей, отсидевших полный срок и ставших рецидивистами.

– Благодарю Вас за откровенную, интересную беседу. От души желаю руководимому Вами театру дальнейших аншлагов!

Послесловие. Идя на встречу с Марком Розовским, я, конечно же, планировал спросить его о творческих планах. Но в беседе не сделал этого: на мой вопрос ответили афиши, вывешенные на фасаде театра. Ближайшие премьеры - «Вишневый сад» А.П. Чехова и «Не боюсь Вирджинии Вулф» Эдварда Олби. А на столе Марка Григорьевича я увидел оригинальный макет программки репетируемого и, судя по всему, весьма необычного спектакля «Чёрный квадрат» по пьесе Розовского и мотивам Малевича.

2001 г.

Беседа вторая. Три юбилея.

В театре «У Никитских ворот» музыкальный балаган: художественный руководитель театра, народный артист России Марк Розовский поставил свою пьесу по поэме Семёна Кирсанова «Сказание про царя Макса-Емельяна». Эта постановка связана сразу с тремя круглыми датами: 50-летием создания эстрадной студии МГУ «Наш Дом» (1958 г.), 40-летием первой постановки «Сказания» (1968–69 гг.) и 40-летием драматического закрытия студии (1969 г.) решением парткома МГУ с обвинениями в «антисоветчине». К полувековому юбилею эстрадной студии МГУ приурочен также выход в свет книги Марка Розовского «Поймали птичку голосисту...» (М., АСТ, Зебра – Е, 2009), в которой глазами очевидцев представлены, как сказано в аннотации, «величие и трагедия одного из самых значительных и ярчайших явлений отечественной культуры 60-х годов – театра-студии МГУ «Наш Дом». Величие – потому что «Наш Дом» изменил вектор развития всей театральной жизни страны. Трагедия – потому что талант, молодость, ирония, свобода, смех далеко не всегда уживаются на одной сцене с властью».

Я принадлежу к поколению «шестидесятников», чьё гражданское сознание было сформировано «хрущёвской оттепелью»,

«венгерским заморозком» (1956 г.), «пражской весной» (1968 г.), и я прекрасно помню, как ломилась молодежь на спектакли «Нашего Дома», которые (без преувеличения!) были подлинными глотками свободы. Помню я и первую постановку спектакля «Сказание про царя Макса-Емельяна», и многие другие спектакли, которые смог посмотреть только благодаря протекции моего однокашника по учебе в МВТУ, актера студии Володи Розина. Спасибо ему за это!

Так что вполне объяснимо мое желание поговорить об этих юбилеях, и вообще о театре, с Марком Григорьевичем Розовским, чей творческий путь начался с эстрадной студии МГУ «Наш Дом».

«Та действительность, в которой мы все жили, – пишет он в книге «Поймали птичку голосисту...», – была некой данностью, и надо было в этой данности обрести свое достоинство и сохранить его в поступках. Для меня таким поступком и был наш скромный студенческий театр, которому мы отдавали всё».

Марк Григорьевич, в честь 50-летия «Нашего Дома» Вы заново поставили именно «Сказание про царя Макса-Емельяна». Почему? Спектакль дорог Вам как последняя капля, переполнившая чашу терпения власти перед назревающим закрытием студии, или же, как универсальная форма, дающая возможность высказаться о реалиях современной жизни?

–Пожалуй, то и другое. Однако главным стимулом сегодня было желание внести в и без того разнообразный репертуар театра «У Никитских ворот» ещё один спектакль-праздник, создать «убойное» зрелище, в котором бы мои актеры фонтанировали искромётной импровизацией, купались в стихии игры, превращая низкое в высокое, как этого требует настоящий балаган... Начитавшись в шестидесятые годы М.М.Бахтина (литературовед и теоретик искусства – А.Л.), я и сегодня болен его концептами, применимыми на театре. Мне хотелось обрушить на зрителя вал карнавальной театральности и веселости – точно так же, как мы это сделали в 68-м году. Не скрою, хотелось такого же бурного успеха, когда благодаря неистовству зрелища зал тоже неистовствовал своими бурными смеховыми реакциями на происходящее на сцене. Я всегда считал, что театр – знак свободы, сигнал свободы, прежде всего внутренней, и потому мне вечно хотелось встряхнуть человека, сидящего в зрительном кресле, избавить его от спячки, от инерции скучного существования, заразить его какой-то новой энергией жизни, чтобы он почувствовал её вкус, её

прелесть... Театр это может, поскольку наше искусство контактное, живое, а значит, теребящее человеческую натуру. Мне хотелось в каждом зрителе «проснуть гражданина», если так можно выразиться, а для этого надо было суметь его «завести» свободой и вихрем актерского изъяснения, когда балаган творится на глазах, буйство красок и многоцветье жизни побеждают унылую эпоху серости и одинаковости. Это – сказка, в которой всё чрезмерно, есть даже элементы эпатажа, ибо любая грубость и солёность здесь идут от фольклорного расщепления духа и плоти, от народной гулянки на площади, от всеобщего очищения правдой и радостью бытия.

До сих пор помню впечатление от первой постановки «Сказания» как от сценического шедевра. Хотелось бы услышать от Вас сравнение обеих постановок.

– Мне самому неловко сравнивать. Конечно, сейчас и время другое, и, стало быть, шутки, виртуозности стиха, поэма Семена Кирсанова – та же, её смысл даже стал актуальнее (к сожалению!) по сравнению с 68-м годом, – во всяком случае, я убежден, ничуть не потерял в наши дни свою сатиричность. Если раньше, скажем, Аника-воин как персонаж ассоциировался с танками, введёнными в Чехословакию, то сегодня здесь явно проглядываются наши подвиги и в Афганистане, и в Чечне, и в Грузии. Да и то, что мы нынче зовем «борьбой с коррупцией», обнаруживает её мнимость хотя бы тем, что её провозглашают те, кто эту самую коррупцию и составляет. Если бы это было не так, сегодняшней зал нам бы не рукоплескал. А зритель рукоплещет, потому что чувствует правду, которая в образной форме доносится до него со сцены. И я тут ничего не преувеличиваю. Может быть, такую сатиру можно было бы назвать, как раньше, – «фигой в кармане», – что ж, я не против, если эта «фига» наносит удар по нынешней бюрократии и заевшейся новой армаде чиновников, попрежнему сидящей на народной шее. Сказка – ложь, да в ней намек!..

Добавлю в этой связи одно – второго сценического варианта «Сказания» не было бы, если б не было того, первого. Я не собирался делать точный повтор, копировать старые трюки и музыку – но, повторяю, общий смысл и решение спектакля – те же.

Давайте вспомним времена полувековой давности. Творившие в условиях цензуры художники вынуждены были прибегать к эзопову языку, чтобы донести до зрителя свою подлинную, а не показную, гражданственность. И это

способствовало творческому росту Театра (с большой буквы!). Такой театр был тогда настоящим человековедением. Разумеется, я – не за цензуру. Но не кажется ли Вам, что при её отсутствии сегодня театр как-то помельчал?

– При отсутствии цензуры – а это, безусловно, достижение, которое возникло ещё в советское время благодаря Михаилу Сергеевичу Горбачёву и «перестройке» – театр и возвысился, и помельчал... Те художники (а они есть и сегодня), кто занимаются Искусством, конечно же, радуются, что могут творить свободно, делать то, что хочется, к чему зовут их душа и совесть. Но время рыночных отношений предприняло и атаку на Искусство, возведя его коммерциализацию как основополагающий принцип новых дней. Перед творцами встала первейшая проблема – как выжить при «диком капитализме», где бы как-нибудь что-то урвать или подзаработать. Наше любимое псевдodemократичное государство до сих пор так и не приняло Закон о меценатстве, который мог бы хоть чуток поправить дело, и, более того, учинило великому русскому репертуарному театру настоящий чиновничий беспредел и всякими «казначействами», «тендерами», запретами «аренды», и просто отъёмом заработанных театром денег. Цензуры нет, зато давление бюрократии на само существование и функционирование театров огромно. Нас явно хотят обанкротить и далее, так сказать, «ле-ги-тимно» (!) отобрать помещения и разогнать труппы. Нас хотят уничтожить, – явную угрозу самому существованию государственных театров мы сегодня чувствуем как никогда. И от кого? От самого государства, как ни парадоксально это звучит. Вот только вопрос: насколько патриотично это будет по отношению к нашему народу, которого в данном контексте, легко обозвать просто «публикой». «Пипл хавает!» – этот восторженный крик троглодита, влезшего на подмости для осквернения святынь, призывает к торжеству шарлатанства и пустоты. Эманация в сторону примитива сделалась весьма заметной. Омассовление нашей культуры и подмена её фундаментальных ценностей на попсу и телевизионную дребедень сериалов и боевиков – одна из составляющих нашей новейшей системы, чья доктрина направлена на всеобщую «дебилизацию общества», на сознательную организацию одичания молодежи прежде всего. Вы спросите: а зачем? А затем, что таким темным, малокультурным, нецивилизованным контингентом (вместо народа) легче манипулировать, легче управлять, сохраняя себя у власти.

В этих условиях растущая беззубость театра, его холодность, его отъединённость от реальной жизни в сторону гламура и всяческого «глянца» очевидны. Российский театр катастрофически быстро теряет традиционную сакральность своего священнодействия. Печально, но так. Мы в дискретной зоне театральной истории, когда старые достижения с корабля современности сброшены, а новые победы им по щиколотку. В сегодняшнем театре смещены критерии и не всегда ясно, что такое хорошо и что такое плохо. Бывает, спектакль провозглашают гениальным, а он живет как бабочка-однодневка.

Но самое страшное сегодня – попытки соединить безнравственность с искусством. Раньше именно искусство – настоящее, русское! – стояло на страже и пыталось хранить божественное, называя беспощадно вещи своими именами. Теперь искусство может само распространять дьяволиаду, отказываясь от своей светоносной миссии, внушая людям путаницу в оценках лиц и явлений. К примеру, недавно один известный гений – режиссер заявил по радио «Эхо Москвы» о «неоднозначности» Сталина. «Он же жил какой-то совершенно человеческой внутренней жизнью...там и ад, и рай... нельзя сказать, это только зверь!» – в присущей ему горячей эпатурирующей манере восклицал мой коллега. « Он во время войны церкви раскрыл!» От него, мол, такая энергетика исходит – прямо в наше время проникает!.. «Мессию ждут».

Всё бы хорошо было в этих разглагольствованиях, если бы злодея назвали злодеем, чудовище чудовищем, изверга и палача – соответственно. Но нет!.. Что это?.. Очередное «очеловечивание» кровавой гнуси и мерзости или, может быть, тот самый глубинный психологизм шекспировского масштаба, которого так не хватает нашему театру?

Скорее позор легкомыслия и безответственности, заигрыванья с темой общенародной трагедии, требующей иной глубины осознания и восприятия. Недаром, в живой эфир посыпались звонки от множества возмущенных слушателей.

Люди ахнули – неужели это тот самый творец, которого многократно провозглашали гением, а он в ответ гениальничал, гениальничал, гениальничал, то и дело переодевая мускулистых мужчин в женское платье и созидавая ожившие декоративные картинки с сомнительной пластикой на грани фола. Это был, по сути, наш провинциальный российский декаданс, стилизованный под чёрт знает что – помесь бутика и гламура с фресками «камасутры», что

продаются по вагонам немymi торгашами... И вот такой пассаж...

А ведь никакого падения нет. Творец беспредельщины, мастер сценической вседозволенности, солнце наше, ослепляющее нас элементарным мужским стриптизом в драме – это ли не тот же, вывернутый наизнанку, бесовский сталинизм, безбожие которого зиждется на чисто режиссёрском концепте «цель оправдывает средства». Тут Художник и Сталин сливаются в малохудожественном поцелуе. Оба диктаторы. Оба грешники. Оба из тех, кто сознательно переступают черту. Каждый – «то ли Бог, то ли дьявол»!

Вот только маленькое замечание: живи наш мейерхольдик в сталинское время, он бы и пискнуть в искусстве не успел. Остались бы от него и его эстетики одни рожки да голенькие ножки. Впрочем, вспоминается, как этот высокочтимый коллега ставил в давнее, но незабываемое Брежневское время – не где-нибудь, а, кажется, в Малом театре – спектакль – поэму о Леониде Ильиче по тексту Леонида Ильича для Леонида Ильича. Как говорится, единожды солгавши... Так что нечему удивляться.

В нашем театральном сообществе всё то же, что и в обществе Большом – полнейшая анемия гражданственности и как результат – случай с многоуважаемым Мастером в живом эфире.

Сейчас модно заявлять о своей аполитичности. Накушались политикой в «соцреализме», устали от политики в постмодернизме, сбросили с парохода современности Маяковского и Брехта, превратили Солженицына в друга чекистов, запустили в народ «оружие массового уничтожения» духа – сериалы и боевики, футбольных фанатиков поставили в шеренгу скинхедов, скинхеды, в свою очередь, пришли в консерваторию(!), – и получился культурный пейзаж нового бесцветного времени с отдельными выбросами всевозможных артефактов, актов, акций, «продуктов» и «товаров» на дорогостоящую помойку псевдоискусства. Пустота завладевает миром. И что самое страшное – внутренним. Да тут этакий сговор: государству нужны пустые люди, пустым людям нужен новый Сталин. Знакомая история!..

Есть Театр и театр. И они обслуживают совсем разных зрителей – зрителей культуры и зрителей пошлятины. Один мой знакомый вообще убеждён, что в театр ходят те, кто не умеет развлекать себя сам. Что Вы скажете о зрителе современном? По-прежнему ли, на Ваш взгляд, востребована сатира? Над чем зритель смеётся сегодня? Над чем плачет?

– Да, театр сегодня частенько идет на поводу у потребительского и обывательского запроса на развлечение любой ценой. Но это беда не только России, но и всего мира, – в любом уголке Земли люди хотят отдыхать и получать удовольствия. И это нормально. Но вся штука в том, чтобы дать этим людям возможность выбора, шанс на встречу и с высоким духом. Пусть рядом с многотонной и многоденежной «попсой» будет и немного штучного Искусства и, уверяю вас, современный зритель сам разберётся, где зерна, а где плевелы. Театр «У Никитских ворот» 25 лет (!) работает с каждодневными аншлагами. А ведь это театр, о котором было мною давно сказано: «У нас нет звёзд, зато есть мастера» и «Мы, конечно, театр для избранных, но вся прелесть в том, что этими избранными могут быть все!». Извините за самоцитирование, но тут важна суть: мы театр демократичный, мы любим своего зрителя и он «голосует за нас ногами» – он к нам 26 лет идёт!.. Факт! Что касается того, над чем зритель смеётся и плачет именно сегодня? Честно отвечу: не знаю и не хочу знать – в период замысла это знать вредно, ибо можно скатиться в болото зависимости от зрительского восприятия. Но когда спектакль готов, радуешься «попаданию» и огорчаешься своим «промахам». Предположительно можно рассчитывать на успех, но главное, что тобой движет – это смысл и форма твоего высказывания, твоего послания в зрительный зал. И тут тебе помогает Автор, в мирознание которого ты пытаешься вникнуть. А жанр тут может быть любой: сегодня тянет к трагедии – делай трагедию, завтра захотелось посмеяться – попробуй сатирический массив... Ставь, что угодно – лишь бы Актерам было, что играть, и зрителям, что смотреть. Лично мне нравится – у себя и у коллег – только глубокий поэтический и психологический театр, с героями, чьи характеры непостижимы и неожиданны, с конфликтами и сюжетами, которые пунктирны или прозрачны, с мыслями о жизни и смерти, о вере и безверии, о грехе и ответственности за грех, о человеке и бесчеловечности, о любви и насилии... В драме мне особенно интересен расщеплённый атом внутреннего мира персонажа в канун его распада, – личность обретает гармонию лишь пройдя через страдание и сверхнапряжённый духовный поиск. Но где та пьеса, которая несёт такой взрывной эмоциональный и философский заряд?

– Перейдем от зрителей к режиссёрам. Кого из них Вы причисляете к режиссёрам современного настоящего Театра? Какие из их постановок последних лет Вы считаете образцовыми?

– Пожалуйста, не делайте из меня Верховного Судью!.. Конечно, у меня есть и свои предпочтения, и свои преклонения, а так же то, что я совершенно не приемлю ни у себя, ни у коллег... Думаю, и мои коллеги испытывают то же самое. Я мог бы назвать с десятков имён, которые делают своё дело мастерски, и мне, поверьте, хочется у этих творцов учиться и учиться... Ведь наша профессия уникальна вариативностью самовыражений, и это прекрасно! С другой стороны, признаюсь: далеко не всё сегодня успеваешь посмотреть. Именно в силу этого разрешите уйти от называния конкретных лиц и работ. Вдруг кого-нибудь забуду или упущу?

И последний вопрос: как Вы полагаете, совершенствуется ли нравственно человечество вслед за техническим прогрессом, открывающим для этого невиданные возможности? Получают ли развитие гуманистические идеалы человеколюбия и справедливости или же, в отличие от общественного развития по спирали, нравственность движется по кругу (не зря же говорят, что каждый век имеет свое средневековье)?

– Ну, и вопросик Вы задали напоследок... Скажу кратко то, что думаю: человечеству сегодня как никогда грозит новая Мировая Война, и эта война будет войной Запада и Востока. В ней, будь она неладна, проклятая, агрессивный, обезумевший от своего религиозного фанатизма Восток применит ядерное оружие против нас, «неверных». Будет ли при этом сметена цивилизация Запада, останутся ли при этой бойне в целостности и сохранности великие и малые народы – никто пока сказать не может... Наша близорукость, прежде всего политическая, в этом вопросе поразительна. Поэтому если произойдёт сия страшная трагедия (а всё к этому идет!), в этом веке уже не будет никакого средневековья. Скорее ничего не будет, даже и античности... Но чтобы не застыть на этой оптимистической ноте, хочу в конце дать нескромный, но вполне серьёзный совет: приходите почаще в Театр «У Никитских ворот», и вы, надеюсь, почувствуете спасительную разницу между мертвечиной и Жизнью.

–

2009 г.

Вячеслав Львович Тамаркин

«Это было не во сне»

Когда фашисты напали на Советский Союз, Славе было 11 лет, а в свои двенадцать лет Слава был уже седым.

Я познакомился с ним случайно, хотя многие годы мы с ним жили рядом в подмосковном Королёве, и сразу же почувствовал в нём светлого человека.

Говорить спокойно о том, что ему пришлось пережить, чему довелось быть свидетелем и активным участником, невозможно даже сейчас, более полувека спустя. Когда я узнал от него о страшных событиях в маленьком белорусском селе, о силе и стойкости человеческого духа, о фантастических возможностях человеческого организма, стало ясно, что я просто обязан рассказать

читателям о судьбе Вячеслава Львовича Тамаркина.

Такое короткое детство

Он родился и рос в селе Ляды, расположенном на границе Белоруссии и России вдоль старой Смоленской дороги. В семье было четверо детей. В 1934 году, в дни коллективизации, в избе на глазах четырехлетнего Славы бандиты убили его мать. После её гибели отца в колхоз не приняли: сказали, что ртов у него пять, а работник он – один. То, что отец мог работать за пятерых, в счет не бралось. Так общество, за счастье которого отец Славы бился на полях Гражданской войны, начисто отвергло его вместе с детьми.

С детства ненавидел Слава белых, о которых слышал от отца. Ненавидел так, что в детсаде не хотел есть манную кашу:

– Она б-бел-лая, а я бел-лых н-нен-навиг-жу! – так заявил он воспитательнице.

Под влиянием детсадовского воспитания будущее представлялось прекрасным, ребята даже переживали, что поздно родились, и к социалистическому пирогу явились на всё готовенькое. Они слышали и о том, что, боясь всемирной революции, мировая буржуазия копит силы, чтобы уничтожить страну Советов. И ребята готовили себя к защите СССР: «вооруженные» до зубов, самозабвенно играли они в войну.

А ещё они любили смотреть кино. И Слава был страшно огорчён, когда узнал, что Чапаева в кинофильме играет артист Борис Бабочкин, а не сам Василий Иванович.

Начало войны

Войну жители села почувствовали в первый же день, когда вечером по большаку через Ляды пошли на восток замаскированные ветками санитарные машины с ранеными. А скоро из Гродно и Вильно, Минска и Витебска потянулись беженцы. Многие шли даже пешком.

Местные жители давали беженцам тряпки – обмотать опухшие от жары и ходьбы ноги, рвали простыни и наволочки на бинты, перевязывали раненых, давали в дорогу продукты, воду, отпаивали ослабленных молоком, предоставляли кров тем, кто не мог идти дальше. Беженцы не задерживались. За все благодарили и, уходя, советовали жителям уходить как можно скорее.

Играть теперь в войну ребятам не хотелось: шла настоящая и, как уже все понимали, очень жестокая и беспощадная война, какой, может быть, не было ещё прежде. Жители начинали понимать, что Красная Армия не просто отступает, хотя верить этому не хотелось, а беспорядочно бежит, и ещё неизвестно, сможет ли она их защитить?! Ребята очень хотели помочь взрослым, но тем было не до них.

Вскоре, после трёхдневных боёв в окрестностях села, в Ляды вошли фашисты. И жители села поняли, что Ляды погибли, задержав рвавшихся к Москве фашистов на целых три дня.

В оккупации

На месте древнего местечка было пепелище: огонь поглотил всё – скарб, мебель, домашних животных и птицу. Вместо казённых зданий высились груды битого кирпича, вместо деревянных домов сиротливо и дико торчали полуразрушенные, закопчённые трубы. И всё окутал смрад. Одиноко, как тени, бродили по пожарищу люди, извлекая из-под угля и пепла всё, что могло ещё сгодиться.

После боя в Лядах и их окрестностях валялось много всякого оружия, боеприпасов, военного имущества и снаряжения. И мальчишки начали собирать оружие, чтобы передать его Красной Армии, в приходе которой они не сомневались. Вскоре ребята организовались в отряд. Они назвали себя гаврошевцами и поклялись не опозорить славное имя маленького французского героя. А реалии жестокой войны проявлялись в Лядах всё больше.

За развалинами одноэтажного кирпичного здания кожевенной артели ребята обнаружили за колючей проволокой человек пятьсот вчерашних бойцов и командиров Красной Армии, а теперь – военнопленных!.. Одни, изнурённые и измождённые под палящими лучами солнца, что-то искали на грядках, другие без сил сидели или лежали на земле. И ребята приспособились незаметно для охраны помогать раненым, незаметно для охранников передавая им продукты и воду.

В двенадцати километрах от села разместился вражеский гарнизон, в котором служили предатели Родины – бывшие военнопленные: русские, украинцы, белорусы. Чуть ли не каждый день стали они появляться на машинах или повозках. Этих предателей называли сначала бойцами соединения «700», а затем – «роасовцами» – солдатами Русской освободительной армии. Каждый день

врывались в дома к евреям полицаи, а теперь ещё и «роасовцы» выгоняли всех взрослых на работы, грабили, избивали, издевались, как могли. Немцы в этом беспределе тогда не участвовали и казалось, что у них полно своих «забот». Бывшие члены колхоза «Новая жизнь» трудились теперь в качестве рабов на благо начальника полиции.

Гаврошевцы пакостили немцам, как только могли. По селу висели портреты Гитлера с надписями: «Гитлер освободил» и «Гитлер освободитель». Однажды эти подписи были продолжены и читались так: «Гитлер освободил. На паёк посадил» и «Гитлер освободитель. Народов душитель». В один из дней ребята провели настоящую диверсионную операцию. Они незаметно натаскали с берега Мереи мелкий речной песок и сшили небольшие мешочки так, чтобы из них можно было легко его высыпать. Когда стемнело, двое поднимали капот и отворачивали пробки радиаторов четырех немецких грузовиков, а третий, выдернув нитку в мешочке, насыпал песок в радиатор.

В дождь, в минуты, когда немцы ждали, что вот-вот должна, наконец, победоносно закончиться война, гаврошевцы из Лядов совершили подвиг!

Немцы привезли откуда-то большие чугунные котлы, два дня грели воду на кострах, промывали радиаторы.

Массовые акции нацистов

Первая акция началась так. Несколько подростков ползли посередине дороги, слегка припорошенной за ночь снегом. Их заставили ползти без помощи рук и ног, только двигая животом. Как только кто-то невольно двигал рукой или ногой, немцы били по ним прикладами или коваными каблуками сапог. Их это очень сместило. Наконец, по команде одного немца ... подростки вскочили, разобрали лопаты у парня, который их нёс, и побежали в сторону западной окраины Лядов. А потом последовало продолжение. Выгнанные силой из домов, голодные люди стояли в ожидании своей участи. Скоро появилась длинная, будто бесконечная колонна евреев всех возрастов, которые, несмотря на удары конвоиров-погонщиков прикладами, резиновыми палками и стёками, шли не спеша и, казалось, спокойно. Немцы загнали в лошину северо-западной Лядов тысячи евреев. Дул холодный северный ветер. Под ногами

переминавшихся от холода голодных людей чавкала вода. К полудню от Лядов отделилась повозка, медленно приближавшаяся к ложине в сопровождении автоматчиков. Скоро люди увидели в ней тех юношей и девушек, о которых говорили, что они ушли с красноармейцами на восток. На груди каждого висела фанерка с надписью «партизан». Их подвели к могиле, выкопанной теми подростками, которых заставляли ползти без помощи рук и ног... Началась казнь...

После казни всех пригнали на старое еврейское кладбище, где уже стоял стол, стулья и две скамьи с розгами... Юношей отделили от девушек, построили в две колонны и подводили к скамьям: на одну скамью клали девушку, на вторую – юношу и секли розгами. В завершение 29 человек из числа жителей были расстреляны. Так завершилась первая массовая акция нацистов в Лядах.

Вторая акция была пострашней первой: в здании школы нацисты организовали малое гетто. В нём оказался и Слава с двумя младшими братьями. Пребывание в гетто было медленным, мучительным умиранием от голода и болезней.

Понимавшая, что узники гетто обречены, тетя сказала Славе, что есть приказ ему бежать. К вечеру Слава, накрывшись простыней, подполз под колючую проволоку, обманув бдительных охранников, и бежал. Тут же он увидел бегущего навстречу отца. Как пушинку, подхватил отец Славу, прижал к себе и молча быстро пошёл. Слава щекой ощущал слезы на его отросшей бороде.

– Там Гдалька с Яшенькой остались, – выдохнул Слава из себя.

– Молчи, сынок, молчи, родной, я всё знаю. Мы оставаться здесь не можем. И им уже ничем мы не поможем, – рыдая шептал отец.

Скоро Слава с отцом узнали, что через несколько дней после побега Славы фашисты выгнали всех из школы, а больных вывезли и в противотанковом рву расстреляли.

Отряд лейтенанта Николая и полк «Тринадцать»

Отец и сын долго ходили от деревни к деревне, ночуя то в баньке, то в каком-нибудь сарае, а случалось и в стогах сена или соломы. И, в конце концов, попали в отряд, которым командовал молодой парень в форме лейтенанта НКВД по имени Николай. Хорошее знание отцом Славы местности, умение ориентироваться в любую погоду, днём и ночью, очень пригодились в отряде. Николай поручил ему быть связным между отрядами с целью объединения в

единую партизанскую бригаду. В такие походы отец Славы брал сына с собой. В один из походов полицаи схватили ночевавшего на гумне отца Славы. А Слава находился в это время в рядом расположенной баньке и видел, как обмотанный вожжами стоял отец в окружении полицаев, которые то и дело ударяли его прикладами.

Потом отряд Николая был разгромлен карателями. И снова начались скитания по деревням (под видом детдомовца из Смоленска, не пожелавшего эвакуироваться – легенда, данная Славе командиром отряда). Снова – случайные ночлеги, пока Слава, весь покрытый чесоточной коростой, из трещин в которой сочилась кровь, не попал в особый партизанский полк «Тринадцать» под командованием бывшего учителя из Дорогобужа двадцатипятилетнего Сергея Владимировича Гришина, Героя Советского Союза. В этом полку Слава воевал более пятнадцати месяцев и превратился из «сына полка» в опытного, закаленного в боях бойца. «После войны, – рассказывает он, – мне часто снятся одни и те же сны: то, спасая младших братьев, бежим по лабиринтам гетто, то разные бои... Во сне я уже знаю, что мне это снится, и все равно просыпаюсь от страха и ужаса».

Много боевых эпизодов помнит Вячеслав Львович, но рамки очерка позволяют мне привести лишь некоторые из них. Был эпизод, когда в составе отделения Слава и ещё один юный боец приехали в деревню. Крестьяне им сказали, что на другой окраине появились немцы на автомашине. До леса – с километр и ни единого кустика. Бойцы отходили от одного телеграфного столба к другому, прикрывая друг друга огнём. Так было на самом деле. Славе же снится этот эпизод, будто он стреляет и видит, как его пули одна за другой впиваются в грудь оккупанту, а ему хоть бы что, не падает да и только. От ужаса Слава просыпается.

А вот – партизаны затаились в лесу, в лютую стужу спасаясь от преследования войск двух немецких генералов и даже не стреляя по низко летящим самолётам, чтобы себя не обнаружить. К вечеру мороз крепчал. Усевшись в своём укрытии, Слава вел наблюдение. Ему вдруг показалось, что «тепло» расплывается по всему телу, и будто он лежит на русской печи, а возле, мурлыча, растянулся кот...

«Э-э-э», – словно из-под земли услышал он собственный голос и чей-то чужой, говоривший: «Три его, три!» – Медсестра налила ему в рот из фляжки самогон. Потом ещё и ещё. В общем, кто-то из ребят обратил внимание на то, что Слава затих, и решил проверить, не

замёрз ли он. Подошёл, тронул, и Слава повалился. Начали его тереть, отогревать и привели в чувство.

Командир полка Гришин, уходя от преследования, проявлял не только мужество, но и чудеса смекалки. Вячеслав Львович хорошо помнит, как к ночи Гришин приказал все повозки, кроме госпитальных с ранеными, оставить в лесу, к деревьям привязать лошадей, а весь груз взвалить на собственные плечи. Тихо, точно в сказке, партизаны просочились сквозь вражеские заслоны, где у костров грелись каратели. Двое суток штурмовали оккупанты лес, где ржали и рвались привязанные к деревьям кони. За это время гришинцы были уже далеко.

Однажды самолёт сбросил кассету бомб, Слава попытался определить возможное место их падения. Вдруг слева от него на воздух взлетели бревна, доски, взметнулась пыль, уши заложило от пронзительного свиста, а тело словно стало невесомым. Слава потерял сознание, а когда очнулся, его окружала серая непрозрачная пелена. Постепенно она стала рассеиваться, и Слава увидел птиц, кружившихся в небе. Значит – живой. Каким-то шестым чувством он осознал, что ему грозит опасность. Потом почувствовал левую руку, коснулся ею полевой сумки; еще через какое-то время почувствовал всё своё тело, руками нащупал карабин. Попытался встать, опираясь на него, но ему это никак не удавалось. Голова, словно многопудовая гиря, никак не отрывалась от земли. Пытаясь встать, передвигая ноги, он кружился вокруг головы. Струйка тепла текла по шее, правое ухо кровоточило. Наконец, опираясь на карабин, он всё же поднялся на ноги. И хотя он на них чувствовал себя достаточно твёрдо, тело ему ещё не подчинялось, двигалось в ту сторону, куда тянула непосильной тяжести голова.

Конечно, всё это не проходило бесследно даже для совсем молодого организма: в свои двенадцать лет Слава был уже седым.

Бывший командир 1-го батальона особого партизанского полка «Тринадцать» Н.И. Москвин так писал о том периоде боёв партизан с фашистами, которые за 46 дней марта-апреля 1943 года выдержали 38 боёв:

«Весной 1943 года по дорогам оккупированных врагом Краснинского, Монастырщинского, Хиславичского районов с непрерывными боями проходили партизаны бывшего дорожбужского учителя – Героя Советского Союза С.В. Гришина. Уже более месяца по пятам преследовали партизанский полк

«Тринадцать» немецкие генералы. Силы были неравные. Но немцы преследовали партизан, а немцев преследовали неудачи. Проводя тактику активного маневра, отбиваясь, нанося противнику громадные потери ударами с тыла и с флангов, полк оставался неуловимым и не выпускал из своих рук инициативу. Полк каждое утро вступал в бой с передовыми подвижными отрядами врага. Днём подходили его главные силы, иногда с хода бросаясь в атаку. Ночами, обходя расставленные врагом заслоны или сокрушая их, полк отрывался от противника, чтобы завтра снова начать бой. Такая обстановка требовала от людей нечеловеческого напряжения физических и духовных сил. Ночные марши совершались чаще всего по целине, на пути были разлившиеся реки, овраги, канавы, наполненные водой, затопленные лощины и непролазная грязь на полях. Полураздетые, в порванной обуви, с ногами, превращёнными в сплошные язвы, люди несли на себе винтовки, пулемёты, противотанковые ружья и минометы, боеприпасы и неприкосновенный запас продовольствия, а иногда и раненых товарищей. Совершенное ими было подвигом».

Как-то после очередной атаки немцев Слава пошёл посмотреть лошадей. Орлик Гришина мучился от тяжёлого ранения в живот. Славе было жаль его и он побежал к начальнику ветслужбы полка. Тот осмотрел коня и сказал, чтобы Дозорцев зарезал его на мясо... Тогда Слава второй раз в жизни увидел, как плачет лошадь. Он увидел слезы и на лице Дозорцева, который, как бы незаметно, с потом вытер их. Уж на что Иван Степаныч сильный человек, но и у него глаза заблестели от влаги. Громко, чтобы слышали все, он сказал, обращаясь к Славе:

– Смотри, партизан, ты самый молодой из нас. Немногим в жизни доводилось видеть слёзы коня. Хорошо запомни, а вырастешь – внукам своим не забудь рассказать !

Атаковать доводилось и партизанам. До сих пор помнит Вячеслав Львович эту атаку. Помнит, как дождавшись спада огня немцев, партизаны по команде Гришина рванулись с криком «ура» вперёд. И когда кинжальный огонь прижал их к земле, Гришин обеспокоился тем, что бойцы легли: до немецких траншей совсем близко. Один рывок! Перед очередным броском Слава решил, на всякий случай, загнать патрон в патронник, но это никак не получалось: не то затвор примерз, не то заржавел от сырости. От злости, забыв про опасность, он вскочил на колени, кулаком стал бить по затвору, чтобы его приоткрыть, но тот не поддавался. Вдруг перед

глазами сверкнула молния и в карабин ударило так, что чуть было не вышибло его из рук. Ударила разрывная пуля. В это время все вскочили и с криком «ура» устремились вперёд. Забросив карабин за спину, Слава тоже с воплем «ура», с финкой в руке побежал вперед ... Было уже светло, когда бойцы свернули в совсем ещё молодой ельник с сосенками. Здесь командир решил дать бойцам отдохнуть и привести себя в порядок. Только теперь обнаружили многие, что ранены. Тут только Слава обнаружил, что когда разрывная пуля ударила в его карабин, осколком порвало до кости указательный палец.

Гришинцы долгое время находились в Городецком урочище, блокированное войсками 4-ой немецкой армии. Но и на этот раз на удивление всем Гришин вывел партизан из прифронтовой полосы без единого выстрела! И уже позади Днепр. А впереди война, в которой Слава участвовал еще более полугода.

Вместо эпилога

Весной 1944 года Гришин вернулся с «Большой земли» с новым заданием: полк, укомплектованный самыми подготовленными и отчаянными бойцами (500 человек), должен был совершить боевой рейд в Восточную Пруссию, где располагалась ставка Гитлера. А всех раненых и больных надлежало переправить на самолётах в советский тыл. И Слава получает от комиссара полка последнее боевое задание: лечиться и учиться.

Как ни хотелось Славе покинуть свой полк, но приказ командира надо выполнять! И оказался Слава Тамаркин в Казанском Суворовском училище. Учёба была для него тяжелым испытанием, ведь он был по сути полуграмотным. Но это еще полбеды: над Славой в училище никто не насмехался, и он это высоко ценил. Слава был ещё и инвалидом среди физически здоровых ребят. И он решил для себя, что просто не смеет им в чем-либо уступать. Можно сколь угодно удивляться его решительности, воле и упорству, но с этого момента начинается его необычное восхождение к ... здоровью. Он сам ставит свой организм в экстремальные условия, не давая ему поблажек, заставляя его выживать раз за разом. И он в этом преуспел.

Нет чувствительности в пальцах рук? И он все свободное время отдает спорту. Он становится одним из лучших в училище по многим видам спорта и имел разряды. Только три суворовца из всего училища

устраивали «забеги» на стометровую дистанцию на ... руках. Один из этих трех – Слава Тамаркин. Преподаватель гимнастики говорит Славе, что он прирождённый гимнаст, тренер по классической борьбе – что он прирождённый борец.

После суворовского Слава закончил Омское Краснознаменное имени Фрунзе офицерское училище, став ещё и по многим видам одним из лучших спортсменов – призером и чемпионом не только училищ, гарнизонов, но и Приволжского, Сибирского Военных округов по боксу, а в 1955 году защищал спортивную честь Омска и области в первенстве Сибири и Дальнего Востока. Выступал на рингах Казани, Куйбышева, Киева, Омска, Новосибирска и Читы. Казалось, он преодолел все недуги, став ещё и одним из лучших строевиков офицерского корпуса. Но правы оказались его боевые друзья, когда говорили: «Погоди, кончится война, и кто уцелеет, все хворобы повылазят, как из земли трава...».

В 1961 году, оставив любимое дело по состоянию здоровья, Вячеслав Львович уволился в запас, а в 1963 году был признан инвалидом 2-ой группы с разрешением работать. Он продолжал не только учиться, трудиться, но выполнял значительную общественную работу. Он был членом Совета военно-научного общества при Омском доме офицеров, а затем, в течение более двух десятилетий, был членом президиума Омской секции Советского комитета ветеранов войны, где ему было поручено образовать Совет партизан Гражданской, Великой Отечественной войны и участников движения Сопротивления, который он возглавлял 11 лет.

В 1985 году на него был написан донос в КГБ о том, что он слушает по радио «вражьи голоса», читает запрещённую литературу и, в подтверждение этого, «доброжелатель» приложил к письменному доносу его блокнот с выписками из книг Солженицына, Войновича и других диссидентов бывшего СССР. Всего навет состоял из восьми пунктов. Первый – о том, что Тамаркин – не тот, за кого себя выдаёт, а последний – о том, что занимается антисоветской пропагандой и воспитывает сына в антисоветском духе.

В результате «кзгэбешники» допросили всех его родственников и однополчан в разных городах страны. В Омске был допрошен бывший легчик Д.Ф. Крушельницкий, который доставил Тамаркина на «Большую землю», а в Москве допросили С.В. Гришина.

Помня клятву гаврошевцев и наказ Дозорцева, Вячеслав Львович написал воспоминания «Это было не во сне», выполнив тем самым долг перед павшими и живыми. И я горжусь тем, что, прочитав его рукопись, помог ему в издании книги.

Написанные воспоминания – ПОКА последнее из арсенала возможностей, реализованных этим обыкновенным и необычным человеком. Я знаю, что Вячеслав Львович работает сейчас над третьей частью воспоминаний, охватывающих послевоенный период его жизни. Ему есть о чем сказать людям.

1999 г.

Алексей Васильевич Флёров

«Зоркое Сердце — вот главный компонент культуры»

Я знал Алексея Васильевича с 1960 года, когда молодым специалистом пришёл в руководимый им отдел в ОКБ-2 (ныне – КБ ХИММАШ имени А.М. Исаева), разрабатывавший турбонасосные агрегаты для жидкостных ракетных двигателей космических аппаратов и ракет различного назначения. Изделия, разработанные под его руководством, находятся на Луне, Марсе, Венере.

Наша беседа состоялась в 1997 году, когда Алексею Васильевичу было 87 лет. Несмотря на почтенный возраст, он по-прежнему оставался неравнодушным Человеком, Гражданином в полном смысле этого слова.

Алексею Васильевичу есть, что вспомнить

Например, как ещё до войны с фашистами он, сам тогда молодой специалист, сидел на верхотуре полученного заводом импортного сверлильного станка. Осваивая новую технику, он отвинтил какой-то болт и ... облил струей машинного масла стоявшего внизу Министра М.М. Кагановича (брата Л.М. Кагановича).

... Например, как сразу после войны был послан в Германию для отбора техники, предназначавшейся к отправке в СССР. Он жил там

у фрау Кролль и однажды вечером ... штопал свой дырявый носок. Фрау предложила помощь, но Алексей Васильевич гордо отказался (советский инженер может всё!), на что фрау едко ответила: «А немецкий инженер в таких случаях покупал себе новые носки!».

... Например, как последние десятилетия до выхода на пенсию в 1987 году, работал в подмосковном Калининграде на фирме, созданной А.М.Исаевым, и был одним из близких людей этого человека с большой буквы.

Технарь до мозга костей, автор более полусотни только внедрённых изобретений, эрудит в самых разнообразных областях знания, Алексей Васильевич обеспокоен ... «всеобщей электрификацией, когда всем всё «до лампочки». А причину этой «электрификации» он видит в низком культурном уровне людей. Наш с ним разговор – об этом.

На столе Алексея Васильевича – пухлая папка переписки со средствами массовой информации. Впрочем, перепиской это можно назвать только с большой натяжкой, ибо в ответ на страстные письма человека дела – молчание, либо бездушная, чиновничья по духу (простите за кажущуюся тавтологию) отписка.... Вот некоторые фрагменты этой переписки и нашей с ним беседы, где инициалами помечены: А.В. – Флёров, А.Л. – Локтев.

Безжалостная статистика

А.В. – Эйнштейн говорил, что «чтение романов Достоевского помогает больше в научной работе, чем учёные труды». Ему вторит Кирилл Лавров («У культуры нет замены», «Известия» от 29.05.89г.): «Я склонен думать, что высокая культура каждого человека, составляющего общество, выгодна экономически».

А.Л. – Недавно в одной из радиопередач рассказали о результатах исследования более чем ста стран с целью выяснить главные факторы, влияющие на уровень их развития. Оказалось, что более чем на 70 % благополучие общества зависит не от ресурсов страны, не от уровня развития техники, а от самих людей!

А.В. – Вот именно! В отличие от Кирилла Лаврова, я, инженер с более чем полувековым стажем, не просто «склонен думать», а могу утверждать с цифрами и фактами в руках, что при всех прочих равных условиях, при тех же затратах средств и энергии и при том же уровне техники, только за счёт повышения культуры каждого

члена общества, можно повысить производительность этого общества по крайней мере в 10 раз и жить обществу в 10 раз богаче, когда не надо будет задумываться, где взять средства на культуру!

Вот безжалостная статистика: производительность нашего сельскохозяйственного рабочего составляет 9% от производительности фермера США. Почему? Да вот, например, почему.

Однажды мы приезжали помогать колхозу убрать картошку. Набрали полный самосвал. Поехали ссыпать в овощехранилище, оно в деревне, в подвале под сельсоветом. Нас встречает бригадир и даёт ЦУ (ценное указание – А.Л.): – Ссыпайте вот на эту площадку у подвального окна. Вот вам лопаты, забрасывайте в окно подальше, к задней стенке. –

Смотрю, площадка вся в высохших колеях. Как с неё сгребать картошку? И трудно, и попортишь много! И как только у этого бригадира язык повернулся давать такую команду? Мало того. Я говорю шоферу : – погоди сбрасывать, сначала сориентируемся.

– Вы тут не командуйте! – возмущается бригадир. Но шофёр и сам видит, что это не дело. Мои же ребята в это время обследовали подвал и бегут с криком: – В подвале сложены лозунги! Прекрасные лозунги – «Догоним и перегоним!». Но особенно они хороши тем, что на длинных фанерных щитах. –

Высунули пару щитов из окна, подложили бревнышко для наклона: ссыпай! И покатила картошка САМА к задней стенке подвала. И совершенно без порчи. Увидели колхозники: – Эх, как это вы хорошо придумали!

– А вы-то почему не придумали? –

– А мы не образованные!

– Так что? Для этого нужно технический ВУЗ кончать, что ли?

Второй пример. Доход от продажи лицензий на изобретения на одного инженера у нас в 30 раз меньше, чем в США. Почему? Тому несколько причин, но вытекают они из одной – «сплошная электрификация, когда всем всё «до лампочки». И ни в одном высоком комитете по науке и технике, по реализации и изобретательству никто не рвёт на себе волосы! И таких примеров – куча!

И как бы ни были совершенны разные там реформы или великолепны программы прогрессивных партий, толку от них не будет, пока не будет изжита «сплошная электрификация».

О наплевизме

А.Л. – Иными словами, наплевизм, безынициативность и, я бы ещё добавил, невозможность, как говорится, «пробить» даже явно полезное. Мой хороший знакомый, железнодорожник на станции Лазаревская, думающий, инициативный человек, много лет назад нашёл простой способ освобождения рельсов от наледи совсем без применения ручного труда. На железной дороге там – сплошная электрификация (в хорошем смысле!), и он этим воспользовался. Оказалось, чтобы освободить рельс от наледи, достаточно на доли секунды дать на обледенелом участке импульс напряжения. И всё! И что же? Никому это оказался ненужным. Лишь ведомственный журнал уступил настойчивости автора и опубликовал его статью об этом изобретении.

Типичный случай! И я бы об этом не вспомнил, если бы публикация не имела неожиданного продолжения. Спустя некоторое время мой знакомый получил бандероль из ... Японии. Японская фирма сообщила автору статьи, что за отсутствием авторского свидетельства фирма запатентовала этот прекрасный метод, который теперь широко применяется в Японии. В бандероль были вложены в качестве подарка японская авторучка с золотым пером и пожелание адресату использовать её для написания и публикации других идей автора!

А.В.(покопавшись в папке с вырезками из газет): – А ты в «Правде» от 15.11.1988г. не читал статью «Секрет фирмы»? Вот послушай тогда небольшую выдержку. Автору статьи рассказывает разбогатевший японский бизнесмен:

«Вот уже двадцать лет я «торгую» вашими идеями. И притом вполне легально, без криминала... И могу с полным правом, не в обиду будет сказано вашим деловым людям, заявить, что финансовое благополучие моей фирмы покоится на вашей неразворотливости, нерасторопности, неумении взять то, что лежит буквально под ногами.

Хотите знать, с чего я начал?.. С маленького раздела в вашем журнале «Наука и жизнь» Он назывался тогда, кажется, «Сделай сам»... Там и поныне публикуются «маленькие хитрости», советы, как своими руками сделать несложные в общем–то в обиходе вещи. Ну, скажем, как вбить гвоздь в железобетонную стену. Или что–то подобное.

Честно сказать, поначалу я сам сомневался в успехе предприятия. Но он превзошёл все мои ожидания. Это было фантастически выгодное дело. Промышленные фирмы, которым я предлагал ваши идеи, соответственным образом подработанные, конечно, ухватывались за них обеими руками, патентовали, внедряли, ну и, естественно, меня при этом не обижали. Через некоторое время я смог расширить дело. Теперь мы выписываем почти все ваши специализированные издания. И мои эксперты скрупулезно прочёсывают их, вылавливая огромное множество свежих, невиданных по смелости и новизне оригинальнейших идей, которые вы, русские, увы, не используете. Теперь на моём счету тридцать пять миллионов долларов...».

Вот поэтому-то «треть россиян имеет доходы ниже прожиточного минимума»!

Зоркое сердце

А.Л. – С наплевизмом разобрались. Но как же перекинуть мостик к культуре?

А.В. – Искусствовед Л.Сулержицкий в начале века задавался таким вопросом: «Где найти средства, чтобы люди стали людьми?» А средство это найдено более 2000 лет назад Аристотелем. Только его никто не видит потому, что (как ответил Гёте на вопрос – что самое трудное?) самое трудное – «увидеть то, что лежит перед глазами!». Аристотель определил это как «катарсис», т.е. нравственное совершенствование через развитие способности к сопереживанию. Способность сопереживать с другими людьми повышает уровень нравственности. Способность сопереживать с природой благоприятна для экологии. Способность сопереживать с делом («болеть за дело») развивает экономику. Культура – это в первую очередь широкий нравственный эмоциональный диапазон, когда каждое явление, с которым человек повседневно сталкивается, находит свою душевную струну, звучание которой вызывает либо чувство удовлетворения и стремление его поддержать, либо чувство досады и стремление его подавить, если оно негативно. И такие выражения, как «Ну и что?» или «Подумаешь?», порождающие бесхозяйственность, безответственность, «коекакство» и разгильдяйство, изгоняются из лексики напрочь.

Как говорится в «Маленьком принце» Антуана Экзюпери : «Я открою тебе один секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Глаза главного не видят!».

ЗОРКОЕ СЕРДЦЕ – вот главный компонент культуры!

О воспитании и о рынке

А.Л. – С Экзюпери не поспоришь, но от того, что мы с Вами сотрясаем воздух сейчас, или от того, что нашу беседу вдруг опубликуют в прессе, мало что изменится: тем, у кого зоркое сердце, всё ясно и без нашей беседы, а те, у кого такого сердца нет, даже и читать не станут...

А.В. – Да, конечно, высокая культура должна иметь основательный фундамент. Этим фундаментом является воспитание. Член–корреспондент Академии педагогических наук профессор Кольцова утверждает, что в первые три года жизни наиболее возбудима эмоциональная сфера... Это значит, что, если мы не вооружили малыша добрыми чувствами, у него сложатся недобрые. В лучшем случае разовьётся равнодушие, почти всегда непоправимое.

На моих глазах девочка лет четырех поймала бабочку и стала ... отрывать ей крылья. Я говорю: – Девочка, что же ты делаешь, ведь бабочке больно! А если бы великан стал отрывать тебе руки? – Девочка заплакала. – Ты чего плачешь? – спрашиваю. А она сквозь слезы: – Бабочку жалко!

Впервые, только благодаря чужому дяде, девочка подумала о том, что другим может быть больно! Впервые пришло к ней сопереживание.

Эмоциональный вакуум всасывает в себя в первую очередь мусор массовой культуры. И никакой Чайковский, Левитан или Пушкин его оттуда вымести не смогут. Поэтому нужно упредить это всасывание. Упредить с пелёнок, а может быть даже раньше. И нужно, чтобы все это знали и способствовали этому упреждению. Все, начиная с родителей. Чтобы они не встречали учителя словами: «Вам *плотью*, вот вы и воспитывайте. А нам некогда, мы работаем!». Чтобы никому не приходило в голову писать в газету: «Кто же будет работать, если женщина станет ничего не делать, сидеть дома и только заниматься детьми?» (И под этим – подписи группы ... женщин!).

Д. Кабалевский в книге «Воспитание ума и сердца» утверждает, что фундаментальная задача всей педагогики – вызвать увлечение и

интерес. Поэтому самым важным предметом в школе должна быть не какая-то там «компьютеризация», а Условия, формирующие личность вообще и Личность – в частности.

Никто, к примеру, не занимается проблемой школьного двора или двора детсада. А ведь всё вытоптано, кусты выломаны. И если остался зелёный клочок, так только из-за того, что на нём выросла крапива. Выросла потому, что его как-то огородили. Что, «резных оград узор чугунный»? Нет. Узор, да только из старых пружинных матрасов, прикрученных ржавой проволокой прямо к деревьям. Прекрасное наглядное пособие «коекакства» и разгильдяйства. Боже! Сколько таких «наглядных пособий» кругом!

А замусоренность улиц? Что, дворников не хватает? А если не сорить? Каждый школьник прекрасно знает, сколько в своем весе теряет тело, погруженное в жидкость. Но никто не знает (потому, что не видит), сколько теряет экономика, да и нравственность, от манеры выкидывать в форточки папиросные коробки, молочные пакеты, от манеры бросать окурки где попало, даже в детские песочницы.

А падение нравственности и рост преступности, особенно среди молодежи! Разве это не от бескультурия?! И бороться с этим путём усиления правоохранительных мер – это всё равно, что бороться с сорняками, обрывая у них листья. А нужно даже не вырывать с корнем, а сделать почву непригодной для прорастания семян преступности. И значит – только повышением культуры!

Нельзя уповать на то, что рыночная экономика разрушит броню равнодушия и породит заинтересованность, хотя бы только материальную. До этого ещё тоже дорасти надо. Сколько выкидывается (собственного) хлеба на помойку. Даже сейчас, когда он стал в сотни раз дороже! И все потому, что «всем всё до лампочки».

Материальная заинтересованность! Тут свои подводные камни: она и жадность – родные сёстры. А жадность и эгоистична, и, главное, близорука, и часто не видит, что за ближайшей маленькой выгодой – значительно большая, а, может быть, скрывается даже и крах. На заре купечества многие действовали по формуле: не обманешь – не продашь.

А потом они вымерли, не выдержав конкуренции с теми, кто уже понял, что престижность «честного купецкого» гораздо рентабельнее. Но, чтобы понять истину, что культура-то рентабельна, нужно много времени. А сейчас все бросились в торговлю, в финансовые махинации. Сколько развелось торговых палаток! И всё больше – с

импортными товарами. Сколько разных банков, ещё недавно суливших невиданные проценты. А откуда товары, откуда проценты, если производство сокращается? Из-за границы. За нефть, за газ и другое сырьё. А то, что страна от этого беднеет? Это никого не волнует. Всем наплевать: это – завтра!

Кадры решают всё!

А.Л. – Итак, мы снова вернулись к «человеческому фактору», к тому, что «кадры решают всё!»

А.В. – Японцы на практике доходят до положительного влияния культуры на экономику. Как пишет В. Цветов («Новый мир», №10, 1985г.), «У Форда на одного рабочего в год производится 13 автомашин. В фирме «Ниссан» – 46 и большей надёжности». Автор приводит разговор с рабочим этой фирмы Сасаки:

– Я чувствую ответственность за каждый автомобиль, создаваемый фирмой. Если слышу, что автомобиль фирмы «Ниссан» имеет какой-либо недостаток, я испытываю ощущение личной вины».

И далее В. Цветов пишет: «Работники должны по субботам с семьями заниматься в каких-нибудь кружках» и пр. И Кирилл Лавров в одной из статей восхищается тем, что в Японии нет ОТК – настолько велика добросовестность!..

Наша беседа подошла к концу. Алексей Васильевич закончил её эффектно. Он прикатил в комнату своё последнее изобретение – обыкновенную продуктовую коляску на двух колёсах и с «П»-образной ручкой. Но к этой ручке он прикрепил на двух осях ещё одну «П»-образную, горизонтальный участок которой связал с основной ручкой полоской брезента. И когда Алексею Васильевичу приходится на остановке долго ждать транспорт, а ноги просят отдыха, продуктовая коляска легко превращается в ... раскладной стульчик!

Свидетельство на это изобретение Алексею Васильевичу не выдали. Слышите, японские бизнесмены? А может, свои найдутся? А?

1997 г.

Нина Ивановна Шушарина

«Я — сама!»

В январе 2001 года в Королёвском отделении общероссийской общественной организации инвалидов (ОООИ) «Глас» состоялась выставка прикладных искусств: вязание спицами и крючком, макраме, фриволите, изделия из бисера, цветы из ткани, цветы и украшения из кожи, мягкая игрушка. Выставка понравилась всем, и многие посетители выразили желание учиться представленным ремёслам. А некоторые говорили, что выставка даёт им силы жить и работать. При посещении выставки я понял, что говорилось это от души, а не ради красного словца.

Первый экспонат, который привлёк моё внимание, была вышивка «Незабываемый май», приуроченная к 55-летию Победы в Великой Отечественной войне:

девять веточек сирени, выполненные в незнакомой мне манере, необычно мягко передали образ нежных пахучих цветов. А вслед за ними взгляд привлекла табличка, в которой говорилось, что сирень и надпись «Незабываемый» выполнены ... ртом, остальные – ногами (!)

Я выразил желание познакомиться с автором, и вскоре в выставочное помещение вошла женщина со славным лицом, открытым взглядом, внимательными, мудрыми глазами. Так я познакомился с Ниной Ивановной Шушариной. Она – инвалид с рождения: роковой сбой в генах привёл её в этот мир ... без рук. О них напоминает лишь указательный пальчик, торчащий недалеко от левого плеча.

Для начала, словно чувствуя моё смятение и боязнь душевно поранить неосторожным вопросом, Нина Ивановна показала и другие свои работы, рассказала, что свой «Незабываемый май», над которым работала с 20 февраля до 12 мая 2000 года, она посвятила скульптору Фёдору Викулову, в прошлом – военному летчику.

А потом Нина Ивановна рассказала мне о себе. С первых же дней жизнь для Нины стала подлинной борьбой за неё. Её мать, родившая одиннадцать детей (из которых выжили лишь четверо), сделавшая самостоятельно, без обращения к врачам, четырнадцать аборт, равнодушно взирала, как отчим девочки делал настойчивые попытки от неё избавиться. В мороз он помещал голенькую малышку у форточки, окунал то в горячую, то в ледяную воду. Девочка часто болела. Так часто, что врачи заподозрили неладное и послали для проверки патронажную сестру. И та стала свидетелем очередной экзекуции. «Или пишите отказную от ребенка, – сказали родителям Нины, – или пойдёте в тюрьму». Так она оказалась сначала в Доме малютки, потом – в доме для детей с физическими недостатками (г. Сергиев Посад) и позднее – в Дмитровском детдоме.

Ещё будучи несмышленьшем, Нина как бы чувствовала, что судьба ставит на ней жестокий эксперимент на выживание, и готовила себя к беспримерной борьбе за жизнь.

«Я – сама!» – стали едва ли не первыми её словами и первыми осмысленными поступками. Если она падала, то никому не позволяла себя поднять: предпочитала подкатиться по полу к стенке, упереться об неё спинкой и медленно подняться. Дальше – больше. Не решаясь оставлять Нину без присмотра, нянечки брали её то в прачечную, то в сапожную мастерскую или столярку. Всё там Нину интересовало, и всегда она говорила, что тоже так сможет. И это не было пустыми словами. Однажды столяр доверил ей рубанок. И она, приладив инструмент к ножке, сняла с материала стружку. Вот таким желанием всё попробовать и непременно смочь отличалась Нина от большинства детдомовцев.

Раньше всех в детдоме она освоила швейную машинку, научилась писать, даже ... кататься на велосипеде. Она не позволяла себе ни на минуту почувствовать себя беспомощной и, достигнув одного рубежа, тут же ставила другой. Со временем она научится фотографировать, плавать (с ластами), печатать на машинке, полностью себя обслуживать, вплоть до стирки ногами.

Летом Нину из детдома забирал отец. Он таскал её с собой по электричкам, и его «бизнес» имел успех: достаточно было пассажирам увидеть безрукого ребенка с торчащим буквально из плеча указательным пальчиком как кошельки их раскрывались. Так отец насобирал себе на мотоцикл. А у Нины этот «бизнес» отца вызвал стойкий иммунитет к попрошайничеству на всю оставшуюся жизнь. После восьмилетки Нина окончила мытищинское ПТУ при Московском областном отделе социального обеспечения и получила специальность бухгалтера. Вышла замуж. И здесь судьба нанесла Нине ещё один удар: через два года Нина мужа похоронила.

А жизнь текла своим чередом и подбрасывала Нине всё новые «нокдауны». Несколько раз она пыталась создать свою семью, но не терпела непорядочности в отношениях и давала суженым от ворот поворот.

Испытав предательство в любви, в минуту слабости эта сильная женщина решила покончить с собой. Боялась она только одного – остаться в живых ... инвалидом: столько уже могла эта необыкновенная женщина, что инвалидом себя не считала! Стоя на железнодорожном мосту, она сосредоточенно ждала поезда. А дождалась (впервые в жизни!) родного человека.

Одинокому Ивану Ивановичу Резанову, занимавшемуся проблемами космической медицины, было тогда 54 года. Они разговорились. Узнав, что Нина окончила всего восемь классов, Иван Иванович сказал: «Тебе бы, девочка, учиться надо».

– Да мне сначала надо найти крышу над головой, да поесть.

– А будет это, учиться пойдёшь?

– Конечно!

– Тогда записывай адрес, станешь жить у меня.

На глазах у изумленного Ивана Ивановича Нина лихо выхватила из сумки карандаш своим единственным пальчиком и сделала запись на клочке бумаги.

И «внучка» пришла жить к «дедушке» (так они называли друг друга). Они прожили душа в душу 22 года: Иван Иванович стал для Нины самым родным человеком на свете, заменил ей живых родителей, сестёр и братьев. Он каждый год возил её на Чёрное море, научил плавать. При нём она закончила вечернюю школу, дневное отделение исторического факультета МОПИ им. Крупской. Училась только на 4 и 5.

А когда Иван Иванович слёг с инфарктом (в возрасте 75-ти лет), сутками не отходила в больнице от его постели, но спасти родного человека ни ей, ни врачам так и не удалось...

Став учителем истории, Нина Ивановна преподавала в вечерней школе Ногинска. Учила думать, а не зубрить, и ученики её обожали. Да вот не пришлась учительница ко двору школьному директору: можно ли было терпеть правдолюба, «возникавшего» на всех педсоветах и протестовавшего против показухи?! И начался процесс выдавливания неугодной. Её и без того небольшую 25-процентную нагрузку медленно, но неуклонно уменьшали час за часом. Дошло до того, что она ездила из Щёлкова в Ногинск ради ... одного часа занятий. И всё-таки её выгнали.

С 1995 года Нина Ивановна живёт одна.

Особенно трудно, – говорит она, – было в первые месяцы после августовского кризиса (дефолт 1998 года – А.Л.). Приходилось вставать рано утром, чтобы никто не видел, и собирать пустые бутылки. По тридцать штук ежедневно, больше я просто не могла унести.

- Она собирала своими «нижними руками» (так она называет свои ноги) 20 бутылок в тележке, 10 – в сумке на шее, а сдавать их ездила в Москву: там платили дороже. В одну из таких поездок с ней познакомился летчик, прошедший Чернобыль и Афганистан. Этот человек, ставший для неё братом («старшим по уму и младшим по возрасту»), восхитился мужеством Нины Ивановны и помог ей устроиться на работу в художественную школу. Он же познакомил Нину с Федором Викуловым, тем самым, которому Нина Ивановна посвятила свой «Незабываемый май» (с которого началось наше знакомство).

Я решил спросить о её возрасте.

– А сколько бы вы дали? – спросила она меня не без кокетства.

– Сорок, – ответил я то, что видели мои глаза.

- Так и напишите, – сказала она, – только прибавьте еще ...13 лет!

Вот, собственно, и всё. Впрочем, не совсем. 3 января 1999 года исполнилась заветная мечта Нины Ивановны: при содействии программы «Времечко» она ... прыгнула с парашютом. Две новые радости принёс ей ушедший год: её работы получили дипломы на IV Московском областном фестивале художественного самодетельного творчества инвалидов в Мытищах (октябрь 2000г.) и Королёве (декабрь 2000г.).

И когда думаешь о тех, кто, имея руки и ноги, голову на плечах, колетса наркотиками, изводит себя алкоголем, лишний раз понимаешь, какой же это грех – так бездарно распорядиться подарком судьбы под названием «Жизнь». Невольно думаешь о бесценных уроках мужества, чести, достоинства и борьбы за себя Нины Ивановны Шушариной. Эти уроки оценила ... итальянская фирма «Мерлони», один из филиалов которой преподнёс ей в 1999 году к 8 марта стиральную машину «Индезит». В знак благодарности Нина Ивановна вышила на память салфетку – единственное, чем она могла отблагодарить фирму на свою весьма скромную пенсию.

2001 г.

Борис Иосифович Жутовский

*«Сдаём не мы. Мы лишь распоряжаемся картами,
которые нам выпали».*

*Художник Б. Жутовский (справа)
на персональной выставке с автором этой книги*

«Давайте сравним два произведения живописи – автопортрет А.Лактионова и автопортрет Б. Жутовского. Как бы иные ни думали и что бы они ни говорили по этому поводу, но для всякого здравомыслящего человека, обладающего неиспорченными вкусами, ясно, что картина художника Лактионова привлекает своей человечностью и вызывает уважение к человеку. Смотришь на него, любуешься им и радуешься за человека. А кого изобразил Б. Жутовский? Урода! Посмотрев на его автопортрет, напугаться можно. Как только не стыдно человеку тратить свои силы на такое

безобразии! Как же так, человек закончил советскую среднюю школу, институт, на него затрачены народные деньги, он ест народный хлеб. А чем же он отплачивает народу, рабочим и крестьянам, за те средства, которые они затратили на его образование? За те блага, которые они дают ему сейчас – вот таким автопортретом, этой мерзостью и жутью? Противно смотреть на такую грязную мазню и противно слушать тех, кто её защищает...».

Так Н.С. Хрущёв сказал на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года.

Тремя месяцами раньше, 2 декабря 1962 года, при посещении руководителями КПСС и правительства выставки в Манеже, организованной Московским союзом художников (МОСХ) к его 30-летию, произошла встреча Н.С. Хрущёва с творцами искусства, названная остряками «Сотрясанием МОСХа». Среди тех, кому тогда особенно «досталось», были скульптор Эрнст Неизвестный и художник Борис Жутовский.

14 декабря 2007 года Борису Иосифовичу исполнилось 75 лет. Сейчас он – один из признанных мастеров, его живопись включена в книгу «500 шедевров мирового искусства», его серия графических портретов современников (общим числом – 333) не имеет аналогов в отечественной графике последней трети XX века. 101 портрет из этой серии помещён в книге «Последние люди империи». О героях этой книги, представляющих интеллектуальный срез ушедшей эпохи, приведены и психологические литературные зарисовки самого Б. Жутовского. Так что «абстракционист» Жутовский предстает мастером и сугубо реалистическим.

Он сам говорит о себе, что не занимается ни концептуальными придумками, ни социально-политическими: они его не интересуют. «Игра в природу и в жизнь, – замечает Борис Иосифович, – кажется мне наиболее захватывающей. Земля, на которой живёт человек, и сам человек – вот всё, что меня интересует. Но я никого не упрекаю за иное. Потому и существует человеческая культура, что она разнообразна».

К 75-летию Мастера в галерее «Романов» открылась его персональная выставка. Возвращаясь к «сотрясанию МОСХа», надо сказать, что после первой встречи с Н.С. Хрущёвым всякая возможность участвовать в выставках живописи в СССР была для Жутовского закрыта. Широкий показ работ художника в галереях и

музеех многих стран мира начинается лишь с 1965 года, после ухода Н.С. Хрущёва с политической сцены.

Я, однако, не зря сказал о первой встрече художника с Н.С. Хрущёвым, потому что была ещё и ... вторая. Б. Жутовский шёл к ней более восьми лет. Она стала возможной благодаря двум обстоятельствам: вместе с женой Б.И. Жутовского работала внучка Н.С. Хрущёва, а Борис Иосифович на хулу бывшего «царя» ответил добром. Не отдавая себе полностью отчёта в том, зачем он это делает, художник время от времени передавал Хрущёву через его внучку свои работы. И эта «воспитательная мера» возымела действие: 17 апреля 1971 года опальный Н.С. Хрущёв пригласил Бориса Жутовского на свой 77-ой день рождения. На даче под Москвой, где безвыездно проживал Хрущёв, Жутовский увидел на стене одну из своих работ, а на прощанье произошло совсем уж неожиданное.

Жутовский вспоминает: «Мы стали прощаться. Он вышел с нами в переднюю. – «Вы, голубчик, не держите на меня зла, – заговорил он, не выпуская мою руку из теплых ладошек. – Я ведь как попал в Манеж и не помню. Кто-то завёз. Я, конечно, не должен был ехать, я ведь попал не как зритель, а как премьер-министр. Нет, я не должен был ехать. Да, орал я там на вас, но ведь как вышло: кто-то из художников больших тут стоял и говорил: «Сталина на них нет». Так это меня разозлило – я и стал орать. Хотел на него, а вышло на вас. Ну, а потом люди воспользовались...».

В книге «Последние люди империи» Борис Жутовский пишет, что «вся эта свистопляска с культурой затеяна была Ильичёвым, чтобы перебраться из секретарей ЦК в Политбюро. Он и подставил «деда» в Манеже. Затем уж это разрослось в идеологические застолья под стерляжью уху с разносом и живописи, и литературы, и кино, и театра. И глумлением над Эренбургом, Алигер, Вознесенским, Аксёновым».

Завершились взаимоотношения Жутовского с Хрущёвым совершенно непредсказуемо: он стал соавтором Эрнста Неизвестного по проекту памятника Н.С. Хрущёву на Новодевичьем кладбище.

В заключение – несколько слов об увиденном на выставке, приуроченной к 75-летию Жутовского. Многие работы художника притягивают своей необычностью, оригинальными цветовыми и пространственными решениями, как будто творец-художник зафиксировал некие физико-химические процессы, протекавшие под его неусыпным оком. К творениям Жутовского хочется возвращаться вновь и вновь, каждый раз унося какие-то новые, порой трудно

формулируемые впечатления. И мне в очередной раз подумалось, что между абстрактным и конкретным нет осязаемой границы. Достаточно, например, посмотреть на фотографии, сделанные из космоса, чтобы понять, что в нашей жизни абстрактное – в конкретном и конкретное – в абстрактном.

И, наконец, я просто обязан сказать о грандиозном издании в двух широкоформатных томах «Как один день» автобиографического романа-картины о жизни и творчестве художника, изрядно приправленного философскими афоризмами и всеми художественными работами автора.

Фраза под заголовком этой статьи тоже из книги Бориса Иосифовича. Думаю, уместно повторить её и в завершение книги:

**Сдаём не мы. Мы лишь распоряжаемся картами,
которые нам выпали.**

Мне кажется, что фраза точно и лаконично подводит итог рассказанному в этой книге, если добавить к ней мысль философа и афориста Виктора Кротова, относящуюся к возможности распорядиться выпавшими картами:

**Можно ли избежать трудностей, решает судьба.
Можно ли преодолеть их, решать вместе с ней – тебе.**